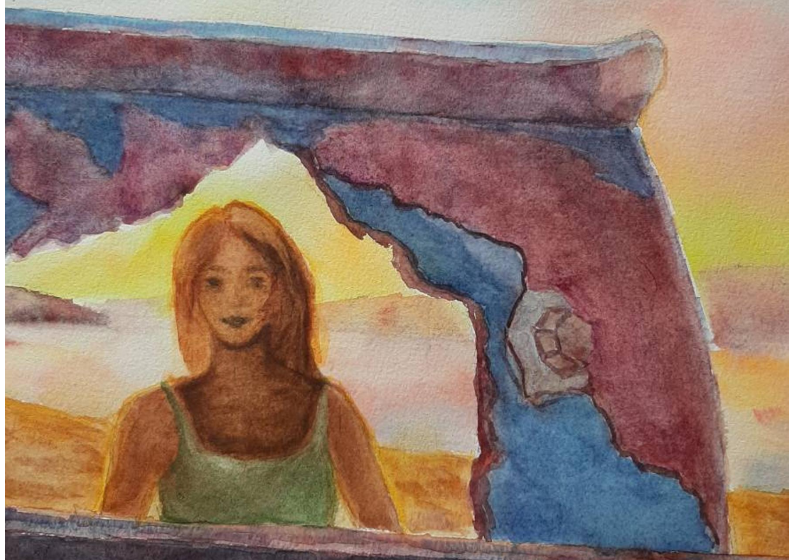

Елена Евдокимова

ПЕРВЫЙ ГЛОТОК

Елена Евдокимова

Первый глоток

<https://litres.ru/74106826>

SelfPub; 2026

Аннотация

Запреты существуют, чтобы их нарушать! Особенно, если твой отец староста поселка и помощницей у тебя воспитанница ведуньи. Правда, старшие уверяют, будто помощь – к беде. Но кто сказал, что беду не обманешь? Вон, предки наши крепили к крыше железный прут и звали его громоотводом, а он, помощник, молнию от домов отводил. Воспитанница ведуньи тому пруту под стать: в поселок из милости принята, но мнит себя выше прочих. Беда мимо такой не пройдет. Что сделает? Спросите ведунью. Она о запретах и о помощи-горевестнице все знает. Ведает! Захочет, о стене, дарующей свет, и о летающих лодках расскажет. Много в прежние годы чудес водилось. Были – сгнули. Сыну старосты о них задумываться недосуг.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	35
Глава 3	74
Г	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Елена Евдокимова

Первый глоток

Часть 1

Глава 1

Каков попутчик, такова и дорога.

Верность старой, как мир, поговорки Товен сегодня почувствовал до зубовного скрежета: сестрицу-копушу дождись, с ее подружкой-зазнайкой договорись, плетеные коробка – благо, что пустые – на себе за обеих тащи, да еще моли духов, чтоб никто из поселка не встретился.

Обошлось. Хотя спору нет: будущему охотнику заниматься сбором трав не пристало. Товен тоже не хотел. Но пошел. И не прогадал, между прочим! Пусть рубашку испятнал пот, пусть сапоги и штаны порыжели от пыли, зато вот она добыча: синекрылая орлянка – висит притороченная к поясу, как у заправского ватажника.

Теперь бы домой успеть до заката.

Вокруг, тревожимый ветром, шумел гореновый бор. Пахло ягодами и хвоей. Подъем по косогору казался бесконечным: о корень обопрись, крутобокий валун обойди и смотри

чтоб по мху не скользнула нога: вниз по круче катиться долго, да и самострел можно сломать.

Гребень холма открылся внезапно. В лицо прынул ветер. От солнечных зайчиков зарябило в глазах. Товен провел пятерней по волосам – к пальцам прилипло несколько иголок. Длинный, смолистые, они не желали отставать от пальцев, даже когда Товен потер руки о мох. От косогора неслись охи с проклятиями. Охи, несомненно, принадлежали сестрице. Проклятия – ее подружке-заснайке. Товен хмыкнул и, покончив с иголками, уселся на бревно: ждать.

Первой наверху оказалась заснайка. Ростом не вышла, зато на ногу легка. Черные волосы собраны в хвост высоко на затылке. И хоть бы одна иголочка пристала к вышитой рубашке и широким, заправленным в остроносые сапожки штанам!

– Взял бы у сестры короб, – подходя, заявила заснайка. – Боишься, плечи оттянет?

– Помощь коварна. Так старики говорят.

Скинув с плеч громоздкую, полную пучков травы ношу, заснайка тоже устроилась на бревне:

– Когда помогли тебе, ты думал иначе.

Товен вскочил:

–Что-о?

Глядя на приятеля снизу вверх, заснайка накручивала на палец прямой черный локон и ухмылялась. «Ничего ты мне не сделаешь» – читалось в зеленых глазах. «Не сделаю, – нехотя признал Товен. – Пока не сделаю, вертихвостка ты

плеснеглазая».

Он заставил себя разжать кулаки:

– Два дня до Танца. Понимаешь, Насти? Всего два дня! И обмен – не помощь. Мы договорились. Вы мне гнездовье орлянок покажете, а я вам пряницу соберу.

– И много ты, братец, собрал? – дородная, в длинном свободном платье, сестра походила на хорошо натопленную печь: лицо пылает, коса растрепана, лента невесты того и гляди соскользнет с волос.

– Я, между прочим, охотник. И на четвереньках мне ползать ...

– Да что ты говоришь! Как последнюю орлянку к поясу прицепил, так сразу охотник? – поднявшись с бревна, Насти помогла подруге снять короб. – Слышишь, Тэни? Зимние обряды твоему братцу без надобности.

Товен вскинул голову:

– Я этого не говорил!

– Ну, еще бы! Подбирай самострел и пошли. Охотник он... И короб у сестры забери.

– Да чего уж там, – быстрыми, умелыми движениями Тэни переплетала косу. – Я сама, как-нибудь...

Одним рывком, Насти переставила короб подруги под ноги Товену:

– Если опоздаем, Большой круг пройдет без нас. Жаккод еще в прошлый раз грозился.

– Отец это просто так сказал, для острастки.

– А если взаправду? Вот возьмет и запретит?

Товен уже взялся за влажные, потом пропахшие лямки, но тут не выдержал:

– Кому запретит? Тебе?!

Вместо ответа, Насти тряхнула головой. Товен едва успел отшатнуться – волосы строптивой спутницы мелькнули у самого носа. Товена обдало ароматом пряницы. «Воистину вертихвостка, – подумал он, наблюдая, как Насти подхватывает свою скромных размеров плетенку. – А сестрица моя хоть и старшая, но дуреха. Зачем, спрашивается, мамашин короб взяла? Руки загребущие? Так всех трав не утащишь. А вот спину сотрешь». Он поморщился.

– Хватит гримасничать, охотник, – Насти уже выбралась на тропу. – Готов? Тогда пошли.

Хотелось огрызнуться, но тени вытягивались в стрелы, между валунов обживалась мгла. «До заката не успеем», – уверился Товен и, подобрав с бревна самострел, зашагал по тропе. Сестра и Насти поспевали следом.

Жаккод стоял на крыльце. Ростом и осанкой он превосходил многих, но после сорока лет до бороды и усов добралась седина, а ото лба к макушке, рассекая темную шевелюру, пролегли две залысины. Прежде, глядя на стариковские посиделки, Жаккод посмеивался. Ныне, поднабрав и ума, и

лет, любил послушать и поговорить или, вот как сейчас, молча проводить солнце.

Вечер выдался теплым. По округе разносилось бляение загоняемых в хлева бородачек. Во дворе соседнего дома стучал топор.

Звонкие голоса Жаккод услышал раньше, чем припозднившаяся компания вывернула из-за поворота. Слов разобрать не удавалось, а стоило путникам завидеть на крыльце знакомую фигуру, разговор смолк.

Подходили, хмуро переглядываясь. Насти морщила нос, Тэни поправляла лямки короба, Товен одергивал свою рубаху – он шагал налегке. У калитки компания приостановилась, но Жаккод об угрозах вспоминать не стал, лишь указал на перья заката. Сдерживая улыбку, Насти поспешила ответить взгляд – что бы там Товен не думал, Жаккода она побаивалась.

Староста поселка, как-никак!

– Если так дальше пойдет – станешь добрым охотником, – заметив добычу сына, сказал Жаккод.

У Товена покраснели уши. Насти хмыкнула и тут же скривила рот: лямка короба натерла плечо, а заодно напомнила о травах. Собранное предстояло сегодня же перебрать и развесить сушиться в кладовой.

– Тэни, ну-ка подожди! Давай, пряницы добавлю.

– Да что ты! Нам хватит...

Дверь дома распахнулась и на крыльцо выплыла хозяйка,

в просторном вишневом платье, круглолица, румяна. Темные блестящие волосы прикрыты цветастым платком.

– Вернулись-таки, неугомонные! Ждешь их, демонов, волнуешься, а они... Нас-ти! Ты что это удумала? Ну-ка кончай!

– Да не надо нам столько, тетушка Оли, – откликнулась Насти, отправляя в короб подруги охапку пучков. – Чес-слово, не надо!

– Сказано, кончай! И давайте-ка в дом, живо! Ужин стынет, а они на улице торчат.

Товен и Тэни поспешили во двор.

– Нас-ти! Тебя это тоже касается.

– Да поздно уже, тетушка Оли.

– А ведунье я что скажу? Воспитанница ее весь день моих деток по лесу водила, пряницей, вон, поделилась, а домой голодной ушла? Товен, ну-ка постой!

Будущий «добрый охотник» попробовал увернуться. Олихватила сына за ухо:

– Ах ты, демон залесский! Нет, отец, ты посмотри, что сын наш удумал! Птицу вонючую в дом волочет. В сарай ее, живо. И руки помой. Нас-ти?

– Давай-давай, заходи. Ишь, заупрямилась, – поддержал жену староста.

Воспитанница ведуньи подчинилась. На столе добытчиков ждала горка печеных клубней и ягодный пирог. Домой Насти отправилась не раньше, чем поела и того, и другого.

Тэни вызвалась ее проводить.

Шли через лес по широкой, высланной иглами горен тропе. Смеркалось. Из чащи доносились уханье и треск. Над головой, невидимые за ветвями подлеска, пересвистывались ивыюнки. Насладиться голосами юрких птах Насти мешала Тэнина болтовня. Сплетни от кумушек-болтушек сменялись новостями из Дома решений, особо длинного рассказа удостоился Дирен.

Сын старейшины на Тэни глаз положил весной, а с лета ходил в женихах. Парень был толковый, учился на плотника. Другой, бывало, с утра за дело возьмется, к вечеру кончит, а после поправить придет, если позовут. Дирен спешки не признавал: думал, примеривался и уж потом делал. «Тихоход», – возмущалась Насти. «Основательный», – поправляла подруга. Говорить о женихе она могла днями. Принялась и сегодня. Насти слушала вполуха, но вдруг насторожилась. В привычно бесхитростную речь Тэни вкралась другая – осторожная и витиеватая. Следом подоспел рассказ – о том, как родители Оли-невесты преподнесли в подарок будущему зятю переданный из Лесного поселка оберег.

После такой подсказки понять намек смог бы и пухлощекий карапуз. Но слишком явно проступали в речи подруги интонации тетушки Оли, да еще саднили ободранные на косогоре ладони – Насти захотелось подурачиться.

«А какой оберег?.. Круглый? А почему без звезды?.. Ах, посередке вырезана. О четырех лучах, как положено... А по-

могал когда?.. А последний раз?.. Ну, просто чудеса! А до того?..»

Тэни поправляла косынку, украдкой облизывала губы – любопытство подруги казалось ненасытным. В небе разгорались звезды. К звукам леса добавился гул быстро текущей воды. Деревья расступились, открыв просторный, с трех сторон охваченный бором луг. С четвертой стороны луг окаймляла речка Ревуха. Острым когтем над ней нависала громада скалы Грерок. Это она даровала свое имя поселку, за что величалась грерокцами кратко и уважительно: Скала.

– погоди, – Тэни схватила подругу за рукав. – Зря ты так. Ну, захотела схитрить, так не со зла ведь. Духи свидетели, не со зла!

– Примету вздумали обойти?

– Насти, пожалуйста! Нужен оберег Дирену. Страсть, как нужен!

– Тогда вспомни, что Товен сказал: обмен – не помощь. До Танца два дня. И до той поры меня ведунья от себя не отпустит. Я даже к Людэ зайти не смогу. Сегодня хотела, да с вами весь день пробродила. Присмотришь за ней?

Подруга вздохнула.

Больная и нелюдимая, Людэ жила в лачуге на окраине поселка. Грерокцы ее сторонились, но терпели – Людэ была отмечена духами. Также, как ведунья. И Насти.

Тэни подтянула узел на косынке:

– Я загляну.

Из чаши донесся крик орлянки – будто кто железом по железу провел. Тэни вздрогнула и придвинулась ближе к подруге.

– Красиво здесь, правда? – Насти понадеялась, что вечерний сумрак скроет улыбку.

– По-моему, так жутковато.

Воспитанница ведуньи хмыкнула – знала, какие слухи ходят о луге, как знала и ту, кто эти слухи пускал.

– Может тебя проводить?

– Я тебя, а ты меня? – на лице Тэни появилась вымученная улыбка. – Дойду как-нибудь. А ты про оберег не забудь.

Когда фигура подруги затерялась в вечернем сумраке, Насти сорвала с ветки стрельчатника длинный, с белыми прожилками лист и, не выдержав, рассмеялась. Представлять, как трусиха Тэни пробирается через темные дебри было забавно. Особенно когда знаешь: предназначенный Дирену оберег лежит у ведуньи с весны.

Рубленая скамейка под старой, в три обхвата гореной. Крепкий приземистый дом, ровные ряды грядок на огороде. К шуму реки примешивается веселый звон родника. А вот время словно застыло: расплзлось лишайником по фундаменту дома, забилося мхом в щели и трещины деревянного столба. С давних пор он высится на поляне. Духи-повелите-

ли Воды, Земли, Воздуха и Огня – четыре лика, один над другим – озирают с четырех граней подвластный им мир. Озирают и охраняют. А коли не справятся, на помощь придут Всевидящие звезды. Их знак – четырехконечная, с длинными лучами звезда – венчает конек на крыше дома.

Насти взбежала на невысокое, в три ступени крыльцо. Вместо навеса, над дверью красовались огромные витые рога. В поселке поговаривали, будто они принадлежали демонам, которые то ли обитали, то ли до сих пор обитают в холмах за лесом. Ведунья с воспитанницей предпочитали от-малчиваться.

Повиснув на ручке, Насти потянула на себя массивную дверь.

– Тетя Дари?

Ведунья бросила перебирать травы. В меру высокая, русоволосая, в ловкости она еще недавно могла поспорить с молодыми, но время окружило глаза сеткой морщин, а стройность с годами обернулась худобой.

– Это называется: вернись засветло?

– Я о Людэ договаривалась. Попросила Тэни, а она болтушка. – Короб со стуком опустился на скамью. Насти пристроилась рядом: – Староста не ругал. Чес-слово! Мы почти успели.

– Почти! – Дарини вернулась к прерванному занятию. Посредине стола на глиняной подставке горело две свечи. По меркам поселка – сущее расточительство. – Никак к Пою-

щим скалам ходила?

– Да ничего со мной не случится, тетя Дари.

– Там обрывов много, и камнепады случаются.

– Зато орлянки водятся.

– А тебе-то они зачем?

– Товен протянул с ловлей орлянок. Пришлось проводить.

– И только?

– Тетя Дари!

Ведунья подняла отложенную ветку, быстро – глаз не успевал следить – пробежала пальцами по стеблю. В миску с дробным стуком посыпались мясистые подушечки-листья. За первой веткой последовала вторая. Все глуше становился стук, все выше росла темно-зеленая горка. Посмотреть – проще некуда, пока не попробуешь сам.

Бег пальцев прервался внезапно. Ветка полетела на стол, ведунья провела рукой по лицу:

– Голова болит.

Настя вскочила:

– От дурман-травы, верно? Говорила же, мне на то болото ходить надо.

– Там трясина.

– И что с того? Я помню дорогу, я...

– Нас-ти! Ведунью Грерока зовут Дарини. И кто, что и где собирает решать ей. То есть мне. Поняла?

Вместо ответа Настя потянулась к полке. Запах свежееиспеченного хлеба не обманул. Под полотенцем лежали лепеш-

ки. Воспитанница ведуньи вытащила самую толстую.

Вообще-то наставница ошиблась. В поселке у ведуньи имени не было. Зато имя первой отмеченной духами легенды сохранили – Анни. Со времен Великого мора это имя больше не давали никому. Традиция соблюдалась во всех поселках, что приютились на правом берегу своенравной реки. На левом берегу Ревухи поселений не сохранилось – страшная болезнь, прозванная озеркой, забрала там всех. Правому берегу повезло. Духи позволили Анни пережить болезнь и подсказали суть приходящей с озер беды: не болезнь – кара! Человек возомнил себя равным духам-повелителям, и те, в наказание, отняли у жителей Лерады умение помогать не вредя. Доказательства? Их видели все. А многие на себе испытали.

Знание, обретенное в дни Великого мора: дай больному озеркой воды – и человек умрет; но, если дотянется до питья сам – выздоровеет, коли духи того пожелают.

Страшный урок усвоили после тысяч смертей, но и спустя два с половиной столетия не умели предвидеть, кому духи оставят жизнь, а кто отправиться к предкам. Выдавался ли год спокойным, прокатывалась ли по поселкам беда – уважение к избранным Повелителями росло. У переживших озерку появилось прозвище – отмеченные духами. Вскоре оно превратилось в звание. Правда, получить его по собственной воле не пытался никто.

– Ложилась бы спать, тетя Дари, – уплетая лепешку, ска-

зала Насти. – Травы до утра подождут.

– А почему не до завтрашнего вечера? И хватит кусочничать? Ты ела?

– Тетушка Оли пирогов напекла. Ну, я и...

– Тащи короб сюда и начинай перебирать. Я, как закончу, присоединюсь.

Воспитанница с сожалением отложила лепешку, подумала: «Хорошо еще, что от части пряницы избавиться удалось».

Пламя костра скинуло черный шлейф. Товен поворошил угли палкой, осторожно перевернул орлянку.

Похвала отца подняла настроение, но обиду не потушила.

Предложить ему – сыну старосты! – пройтись по поселку с коробом за плечами. И как у вертихвостки язык повернулся! Спасибо сестрице – выручила, хоть и не поняла. А Настя все поняла, да расчет свой имела. А кто она такая, если подумать? Отмеченная духами? После сегодняшней проделки об этом могут и позабыть. Если, конечно, прознают.

Тушка птицы съежилась и почернела. К утру от нее останется горстка пепла: или духу Ветра подарок, или Земле гостинец, если дождь пройдет.

Подкормив огонь, Товен достал из-за пазухи длинное, выдранное из хвоста птицы перо. Орлянка что? Сжечь ее под

подобающие приговоры, а пепел духам оставить. Иное дело – перо. Цвет его повторяет краски вечернего неба, а белые крапины подобны россыпи Всевидящих звезд. И перьев таких у Товена десять. Теперь десять! Для посвящения в охотники – в самый раз.

Товен представил, как встанет у песчаного круга, как передаст старосте добытые перья. Их тоже ожидает огонь. Но случится это не здесь, на черном дворе – перья стоят на у Скалы на огромном камне между изваяниями духов-повелителей. Все охотники и мастера Грерока соберутся смотреть на священный костер. А вот матери с сестрицей и плеснеглазой вертихвостке придется сидеть дома. Из обитательниц Грерока одной ведунье позволено нарушить запрет – на время пока горят перья. Но до той поры должна кончиться осень и начаться зима. А еще должна уйти и вернуться с озер охотничья ватага.

В воде голубело небо. С берега в созданное природой зеркало смотрелись кусты. Среди мелкой поросли и ползунков выделялся стрелчатник – выше человеческого роста, с длинными, похожими на наконечники стрел листьями на гибких ветвях. Норовистую реку от заводи отсекала скала.

Насти с разбегу прыгнула в воду. Другой берег манил зарослями багрянца. Увешанные красноватыми колосками

тростинки, изгибаясь, касались воды и словно дразнили: доплыви, собери.

Заводь Насти одолела быстро, багрянец перебирала дольше – пока холод в воду не загнал. Плыть обратно, держа тростинку в зубах, оказалось неудобно. Но расстаться с добычей?

Да ни за что!

Возвращаясь домой, воспитанница ведуньи заглянула на стрельбище. Устроенное между холмов на поляне, оно оставалось недоступно ни сильному ветру, ни случайному взгляду. Насти бывала здесь часто. Сегодня, оглядев щиты-мишени, она презрительно скривила рот: ближе к краю – частокол из тренировочных стрел, в центре одна стрела, иногда две.

По другую сторону поляны, понутив головы, стояли мальчишки: семь, восемь, десять лет. Ни Товена, ни его сверстников. Поздно!

Один день до Танца.

Товену очень повезло, что успел. И что Насти на стрельбище не только ради любопытства заглядывала.

– Олухи! Демон вас побери. Все олухи! – опираясь на палку, рокотал грузный бородач. – Летон, я уж решил тебе самострел в руки дать. А ты? Лентяи. Все лентяи! Пока с луком не совлаждаете...

– С ним тяжелее. Брат говорит, тяжелее, – срывающимся голосом возразил худой лупоглазый мальчишка.

Прихрамывая, бородач подковылял к спорщику:

– Вот я и говорю, что лентяи!

Насти попятилась. Просить хромого мастера потренироваться с самострелом, сейчас было явно не время.

По пути к дому метелка багрянца была ошипана, тростинка изгрызена и отброшена прочь. Лес дразнил ароматами спелых ягод – Насти терпела. Когда впереди показался огород, к запахам осени добавился новый, горький, резкий, из тысяч других узнаваемый – запах гари.

Рванув напрямик через грядки, Насти одним прыжком одолела ступени и ворвалась в дом. Худшие опасения не подтвердились, но от дыма защипало глаза. Вытащив из печи горшок с теперь уже бывшей кашей, воспитанница ведуньи выскочила на крыльцо:

– Тетя Дари, ты где?

«Где? Где?» – покачиваясь, отозвалась дверь кладовой. Рядом, на траве, стояли три короба. Насти приподняла крышки: мох, горюч-трава, дымник. «А волочь их на луг, небось, мне придется?»

– Тетя Дари!

– Здесь я, здесь, не кричи, – ведунья выбралась из кладовой, шаркая, поплелась к отгороженному плетнем умывальнику.

Насти подбежала к наставнице.

– Опять голова?

– Сильнее вчерашнего. О духи! Да за что мне это?

– Погоди, – воспитанница потянула ведунью к крыльцу. –

Сядь. Давай полечу. Другим помогает и тебе поможет.

Насти опустила на корточки и сжала ладони ведуньи в своих.

Дарини раны заговаривала. Насти, из лени, как-то попробовала им приказать – а те заросли. Из прочих недугов створчивыми оказались лихорадка и боль. Дарини твердила, что умение исцелять других – дар Повелителей за пройденное испытание. Превозмог человек озерное проклятие, пережил страшную болезнь – получил покровительство духов, а заодно награду. «Даром» ее, правда, из уважения к Повелителям называли. Даром духи не давали ничего.

И сейчас, стоило на лицо Дарини вернуться покою, у Насти закружилась голова. Нашарив рукой ступеньку, воспитанница ведуньи села. Земля и небо становятся на положенные им места не желали.

– Насти?

Лицо и фигура ведуньи расплывались и расслаивались. Стоило присмотреться, выбранная картинка поднималась навстречу, зато хоровод прочих сливался в пестрое колесо. Прежде такого не случалось. Хотя и желать столь настойчиво Насти не приходилось.

«Сколько она на том болоте отходила, хотелось бы знать?»

Воспитанница ведуньи помотала головой, закрыла глаза – «колесо» продолжало бег.

А если не вглядываться?

Насти попыталась смотреть сквозь картинку. Из пестрых

полос выпали спицы-образы, покружились, покачались и, наконец, слились. Насти увидела дом, лес, реку и не на шутку взволнованную ведунью.

– Все хорошо, тетя Дари. Чес-слово, все хорошо!

Дарини покачала головой.

Танцы и заклинания ее воспитанница запоминала легко, в травах разбиралась не хуже ведуньи. Но никогда прежде Дарини не приходилось встречать отмеченную духами, умевшую столь быстро заговаривать боль или останавливать кровь.

Поистине, непостижимы помыслы Повелителей. Невероятно щедро одарили они ту, кто недавно их самих путал со сказочными русалками и приведениями. Да почему путал – путает. И будет путать, пока с такими, как Людэ, дружбу водить не прекратит.

– Ох, Насти! Не доверяешь ты мне. В лес рвешься, будто из дома кто гонит. На стрельбище вот бегать повадилась. Зачем? Забыла, что младшей ведуньей сделалась? Что в осенних обрядах помогать мне должна? А я-то тебя учила. Я-то на тебя наделялась...

Дарини причитала и причитала, но Насти думала о другом. Дурман-трава – растение коварное. Нагнанную им головную боль снять тяжело, но возможно. Другое дело слабость – она должна пройти сама, дня через три, через четыре. Время Танца наступало завтра, а приготовления следовало начинать сегодня, прямо сейчас.

Главный обряд года исполнялся у подножья Скалы на лугу. Каменные изваяния, олицетворяющие повелителей Лерады: духов Земли, Воды, Воздуха и Огня, охраняли засыпанный песком круг. Ступать на него имели право лишь отмеченные духами. Ведуний из отмеченных и назначали – в Лесном храме, повелением жриц. Накануне обряда, будущей исполнительнице Танца полагалось очиститься телесно и, предпочтя еде воду, заняться приготовлениями. Одни – например, сбор хвороста для костра – выставлялись ведуньями напоказ. Другие, вроде умножающего силу снадобья, готовились тайно.

Но никакому отвару не повернуть вспять годы или сделать старого молодым. Подменить стареющую ведунью могла другая отмеченная. Если замены не находилось, ведунье грозил суд жриц. Дарини рисковать не хотела – полтора года назад она представила служительницам Храма свою воспитанницу.

В Лесной поселок отправились вдвоем по весне. Сборы, переходы, ночевка в лесу – Насти наслаждалась приключением. До цели путешествия добрались в сумерках, в гостевом доме расположились на ночлег. Ведунья спала, Насти маялась, досадуя на застрявшее за горизонтом солнце. Осматривать Лесной поселок отправились вместе, с утра.

Вместо одной площади – три, вместо двух улиц – множество больших и малых. А чтоб весь поселок взглядом окинуть – мечтать не стоит. Слишком велик! Имелся у Лесно-

го поселка и свой луг. Священный! Каждый идол – как два грерокских, а песчаный круг больше привычного раз в пять. Танцевали здесь жрицы, но особого звания луг удостоился не из-за них. По соседству, в огромной пещере таилось чудо: знаменитый Лесной храм или, как здесь его называли, Храм памяти.

Войдешь, взглянешь, и дух захватит. Над головой – пробитые в скале окна в виде четырехконечных звезд. Под ногами тоже звезды – из цветных камней выложены. Но если решил постичь тайну Храма, приходи перед рассветом и оставайся до сумерек.

От восхода к закату плывет по небу рыжее солнце, перебираясь от одной «звезды» к другой, заглядывают в храм его лучи, разбегаются по мозаике пола, разгоняя сумрак, касаются стен. Попадется ниша – проем заискрится серебряной вязью, озарится свод – на свет явится фреска, яркая даже спустя сотни лет.

Ладные, будто игрушечные, дома над рекой. Чудные, похожие на лодки, повозки. Вот на холме пасется кольцерогий олень: гибкая шея, тонкие сильные ноги, остроносая морда ткнулась в траву. В небе над ним парит птица. Чернокрылая, грозная она вот-вот ринется к земле за добычей. Дождаться бы!

Но жизнь видения коротка. Солнце продолжает путь, и, напоминая о всеильности времени, картина погружается в тень. Лучи нащупывают новую фреску. Что на ней бу-

дет? Служительница храма, если захочет, может подсказать, но, если забудет, ответит просто: «Живущие среди звезд». Внешне похожие на людей, веселые и серьезные, юные и постарше – их можно найти на любой фреске. И пусть в речных поселках ждут прощения от Повелителей, у отмеченных духами есть другая, тайная легенда – о звездожилителях.

Пять веков назад эти существа посетили Лераду, делами и советами помогали людям, избавляли от болезней и бед. Минул век, пошел другой, прошлое забылось, и лерадцы перестали уважать своих покровителей. Живущие среди звезд разгневались и ушли. Следить за Лерадой остались их помощники – духи-повелители. Когда люди искупят вину, помощники известят Живущих среди звезд и те вернуться, а с ними вернется прежняя жизнь.

Настя сказка позабавила, приглянулись и фрески. В голове роились вопросы и догадки. Дарини о них не узнала – она наслаждалась победой. Посвященная в тайну о Живущих среди звезд, Настя становилась младшей ведуньей и получала право собирать волосы в хвост на макушке, но главное – отныне воспитанница могла заменять ведунью во время обрядов.

– Настя, – ведунья потрясла спасительницу за плечо. – Опять в залесье мыслями убежала?

– Да. То есть, нет. Я слышу. И с Танцем справлюсь. Я умею.

– О духи! Слышит она. Я о Танце слова не сказала, а она

слышит.

Насти вздернула подбородок.

Дарини махнула рукой:

– Стало быть, согласна?

– Я же сказала!

– Нас-ти, – ведунья погрозила воспитаннице пальцем и, не выдержав, добавила: – А если б на моем месте стоял староста? Представляешь, что бы с тобою стало?

Насти представляла. Но Жаккод остался в поселке, а вот щедрая на нравоучения наставница сидела рядом и ждала ответа. На глаза воспитанницы попала трещина на ступени. «И чего Дарини тянет с заменой? Ждет, пока просядет крыльцо? Четырехликий идол – тоже, кстати сказать, деревянный – того гляди завалится». Трещина нырнула под сапог ведуньи, и Насти спохватилась – придала лицу жалостное выражение.

– Иди, готовься, – сказала Дарини. – И не пытайся хитрить. У тебя это плохо пока получается.

Воспитанница понадеялась, что ей удалось сохранить серьезный вид.

Над головой мерцает звездная россыпь. Затмевая ее, над рекой высится громада Грерока. У подножья Скалы, в центре песчаного круга, на камне полыхает костер. Между идо-

лов замерла Насти. Поверх блузы накинута кожаная пелерина; широкая, едва достающая до колен юбка прикрыта второй – кожаной, с разрезами по бокам; ноги затянуты в узкие, словно чулки, сапожки. Наряд чудной, но от искр защищает и взгляды цепляет. Как же без взглядов? Дарини к ним привыкла. Насти от внимания не по себе – она впервые исполняет Танец.

У границы круга столпились участники охотничьей ватаги. Тут же Жаккод, старейшины. Прочие грерокцы стоят поодаль. Ни шепота, ни движения – кажется, люди взяли пример с истуканов.

Озерный край, куда собралась ватага, слывет местом щедрым, но гиблым. Все, что здесь плавает, бегаёт или летает, может нести смерть, однако чаще спасает жизни. Леса вдоль Ревухи безопасны, но скупы на добычу, а изменчивая погода часто губит урожай на полях. Оттого-то, ещё со времен Великого мора, люди предпочитают голоду риск. С берегов Ревухи везут они клетки с грызунами и, прежде чем закинуть в проклятые озера сеть, скармливают рыбу-другую обречённым зверькам. Похожее испытание проходит добыча охотников. Ошибки случаются редко, но царапина или укол плавника могут стоить добытчику жизни. Кому суждено вернуться с озёр, знают лишь духи. Людям остаётся просить: словами, делами и Танцем.

Ведунья передаёт воспитаннице бубен. Приняв истертый руками и временем инструмент, Насти кланяется костру и,

воздев руки к Всевидящим звездам, замирает. Издали посмотреть – статуэтка. Грерокцы похожие выставляют в окнах домов, чтоб тревога обошла стороной, чтоб отцы с братьями вернулись с озер живыми. Для ватажника увидеть статуэтку – дурной знак, и фигурки достают не раньше, чем замрет в отдалении скрип телег, а в поселок с просеки вернутся провожающие. Но до той поры должна пройти ночь, минуть наполненный сборами день, погаснуть вечерняя и заняться новая заря. Пока же, и те, кто уходят, и те, кто остаются, следят за танцовщицей и ждут.

– О, духи – повелители мира, подвластные лишь Всевидящим звездам, услышьте нас и внемлите нашим молитвам!

Кружась, юная ведунья срывается с места. Оборот, другой, третий. Гудит пламя костра, гулким эхом откликается на прикосновение тугая кожа бубна, в ритм ударам ведут перезвон диски.

– О, дух Воды! – Насти протягивает руки к властелину, чей грозный лик озирает округу со всех четырех граней камня. – Ты повелеваешь реками и ручьям, озерами и болотами. Тебе подвластны все твари, живущие в них. Укажи почитающим тебя чистые родники и заполни их сети здоровой рыбой; отведи озерное проклятие и позволь с богатой добычей вернуться домой.

Низкий поклон Повелителю, и танцовщица отправляется к следующему изваянию. Звенит бубен, фонтанчиками брызжет из-под ног песок. Просьбы к духам Воздуха, Огня

и Земли – простые, но нужные, звучат над лугом.

Настя поворачивается к Грероку:

– О, дух Скалы и предки наши! Рассудите почитающих вас по делам их и заступитесь за достойных перед духами-повелителями.

Юная ведунья склоняется до земли. Удары бубна звучат чаще, затейливее становится ритм. Бубен поднимается, и следом, подражая языкам рвущегося ввысь пламени, тянется к мерцающим звездам исполнительница Танца. Зрители от напряжения приоткрыли рты – дышать стараются тише. Танцовщица встает на носки.

Взмах руками, удар по натянутой коже бубна, звон дисков – и юная ведунья срывается с места. То замирая у изваяний, то проскальзывая рядом с костром, она танцует внутри песчаного круга, не заступая за край. Грерокцы следят за ней, будто привороженные. Явись на луг легендарные демоны, сгори поселок – не заметят.

Танец обрывается внезапно. Коротко звякнув, бубен ложится на песок. В руках танцовщицы, словно бы из неоткуда, появляется факел. Древко покрыто черненой резьбой, от пакли тянет смоляным духом. Быстрый шаг к камню, и факел вспыхивает, зажженный от пламени священного костра.

Настя подбегает к каменному столбу. Он потемнел от копоти, но, как и во времена Великого мора, хранит на гранях суровый лик духа Огня – Повелителя стремительного и безжалостного. Факел касается подножья истукана. Сперва

робко, потом смелее, по границе круга начинает бег огненная змейка. Яркая и искрящаяся, она мчится по дуге, огибает два изваяния, достигает четвертого и останавливается.

Над головой танцовщицы мерцает полусфера вечернего неба, разрыв в огненном круге указывает на скалу Грерок. Держа факел над головой, юная ведунья устремляется к выбитым в камне уступам-ступеням. Одолеть их в обычное время – значит не пожалеть времени и сил. Но сейчас Насти исполняет Танец.

Семь прыжков – семь ступеней. Чуть запыхавшись, танцовщица оказывается на площадке: восемь шагов вдоль, столько же поперек. Впереди и справа обрыв, слева – коготь Грерока. Тут же, у отвесной стены, стоят чаши предков. Глиняные черепки пусты – собранный в них прах дух Воздуха давно разнес по округе. Вскоре исчезнут и чаши – грядущие дожди размоют не познавшую огня глину, а весенний ветер унесет серую пыль. Иная участь уготована праху ведуний. Укрытый в сосуд, он навеки остается под Скалой.

Насти минует чаши. В лицо ударяет ветер, под обрывом бормочет река. Частичка священного костра медленно опускается, и к Всевидящим звездам взмывает фонтан огненных искр. Факел приподнимается и вновь касается священной скалы. Два огненных ручейка охватывают площадку и смыкаются на краю верхней ступени. Остается последнее и самое опасное – спуск. Один шаг за огненную черту разрешают сделать Повелители – шаг на песок у костра.

Круг невелик и далек, истуканы высоки, но и они остались внизу. Дуги белого пламени отмечают основания изваяний, словно предупреждая: «Не промахнись!»

Короткий разбег, и дыхание перехватывает от ощущения полета. Восторг? Страх? Разобраться Насти не успевают. По сторонам мелькают длинные тени. Ветер доносит жаркое дыхание костра и тут же бросает в лицо собранную у земли прохладу. Песок и кувырок гасят удар. Насти подхватывает бубен. Теперь к выходу – к нетронутой огнем дуге.

Песок под ногами сменяет трава. Замыкая кольцо, бежит от истукана к истукану огненная змейка. Исполнительница Танца склоняется в поклоне перед повелителями Лерады. Факел трещит, вспыхивает в последний раз и гаснет.

Ни шепота, ни слова. Лишь гудит пламя священного костра. Щеки юной ведуньи жжет. То ли кровь к лицу прилила, то ли жар огня до кожи добрался. Насти с этим разберется, но позже. Прежде всего обряд.

Уловив шорох быстрой поступи, танцовщица поднимается, и погасший факел переходит от одной отмеченной духами к другой. Дарини втирает в резьбу золу, проводит пальцами по завиткам. Оказавшиеся рядом грерокцы тянут шеи, норовя заглянуть ведунье через плечо. Спроси, что высматривают, ни один не ответит. Знаки духов скрыты от непосвященных.

Насти, сама того не замечая, терзает зубами губу. В толпе рождается гул. Превратиться в ропот ему не достает време-

ни. Ведунья вскидывает руку с оберегом.

– Повелители приняли Танец! – объявляет она.

Наси переводит дух. Так же, не сговариваясь, поступает большинство грерокцев. Слова ведуньи будто сдергивают накрывшее поселок покрывало тревоги – вокруг раздаются шутки и смех.

Повелители посулили удачу, и сейчас в нее верят все. Или хотят верить.

Ведунья передает факел старосте поселка – опаленный священным огнем, отныне факел имеет силу оберега.

Разговоры стихают. Оберег отправляется по цепочке: от старосты к старейшинам, от старейшин к ватажникам и, наконец, – к их атаману. Матерый и рослый, за четыре десятка лет он исходил много лесных троп, но чести вести на озера других удостоен впервые. Поклоны выходят у него неловкими, завернуть оберег в расшитый звездными знаками холст удастся не вдруг. Хмурясь с досады, атаман засовывает факел за пояс – вскоре, вместе с ватагой, оберег отправится в путь, защищать людей и доносить их просьбы повелителям Лерады.

Обряд завершен, и прочие грерокцы обступают ватагу. Среди подошедших, Наси замечает Тэни.

– Ку-уда? – ведунья хватает воспитанницу за шиворот. – Танцовщице на гулянье идти не положено. Давай-ка домой, спать.

Наси фыркает.

– Иди, иди, – подталкивает ее ведунья. – И меня ждать не вздумай – поздно вернусь.

Танцовщица морщит нос, но покоряется. Бредя по лесу, она с тоской слушает, как голоса грерокцев сперва отдаляются и, наконец, смолкают.

На краю поселка в окне кривобокой лачуги трепетал огонек масляной лампы. Он то отбирал, то вновь отдавал темноте колченогий стол, из последних сил отстаивал у мрака изголовье кровати. Обитательница лачуги лежала, вперив взгляд в потолок. Солнечных дней летом выдалось много, но исхудалое лицо не поддалось загару, белесые губы были рассечены трещинами, глубокие складки тянулись от крыльев носа ко рту. Странное получалось лицо, без возраста и без жизни.

Внезапно его перекосила гримаса недовольства.

Разрушая вечернюю тишину, от леса накатывался веселый гомон. Женщина покосилась на масляный светильник.

Потушить? А смысл? Пока мимо не пройдут – уснуть не получится. Расшумелись тут, понимаешь! Проводы у них! А она причем?

За дверью раздались шаги. Язык светильника затрепетал и лег на бок. Из-под двери взметнулась пыль. Обитательница лачуги попыталась прикрыться одеялом.

Пустое!

Пыль текла через порог, сочилась между досок. Женщина без возраста чихнула.

Шляются, понимаешь! И все мимо, все мимо. Хоть бы один заглянул! Недосуг. Всем недосуг. Даже ведунье-недоучке. Сколько раз просила! Уговори, мол, кого-нибудь дверь поправить. Ладно, говорит. А что ладно? Сидя в доме дорожную пыль глотать?

Дверь скрипнула и приоткрылась. Вслед за облаком пыли, в щель просунулась повязанная цветастым платком голова – круглое лицо, курносый нос, испуганный взгляд. Ниже маятником покачивалась коса. Не человек – привидение.

– Людэ? – позвал робкий голос. – Ты спишь?

– Тэни? Чего тебе?

– Д-долгих лет! – войти девушка не решилась. Или не захотела. Так и стояла, просунув в щель голову и ухватившись рукою за дверь. – Я... меня, вроде как, Насти прислала. Спина не болит?

– Нет!

Ответ прозвучал резко. Людэ сама испугалась силе невесть откуда взявшегося раздражения. Тэни заулыбалась, словно услышала похвалу.

– Ну, я тогда побегу?

Голова исчезла – лишь хлестнула по стене коса. Дверь закрылась.

«Бродят тут, понимаешь», – пробормотала Людэ и поту-

ШИЛА СВЕТИЛЬНИК.

Глава 2

Небо наполнилось звездами, лес – звуками, а Насти переполняла обида: отправить ее домой! При всех! Да еще в такой день. Вечер, вернее.

Наряд танцовщицы от вечерней сырости защищал слабо. Захватив из прихожей старую, зато теплую Даринину безрукавку, юная ведунья устроилась на скамейке под гореной – ждать. На ум одна за другой приходили колкие фразы, и Насти никак не могла решить, какой именно встретит наставницу. Небо из синего превратилось в черное. Звезды усеяли его, словно просыпанная на закопченный противень мука. Дарини не возвращалась.

Над головой ветер тревожил кисти горены. В перезвоне длинных игл Насте чудился голос речки Разбегайки – мелководного, но чистого притока матерой Ревухи. Насте вспомнились уступы его берегов, серебро рыбешек на фоне каменистого дна, палатка в тени деревьев. И встреча с ватагой. Семь лет назад ее вел сам Жаккод. Много тогда было страхов, еще больше надежд. Одни исполнились, другие забылись. К добру или худу – как знать?

Перезвон кистей усыплял, и, не считаясь с желаниями юной ведуньи, время отступило еще дальше назад – к началу затянувшегося приключения...

Насти... нет! тогда еще Настя, удивилась пропаже звуков.

За годы путешествия они сделались привычными до незаметности. Дружелюбный, состоящий из залов, переходов и кают мир Настю тоже устраивал. Особенно, когда, повзрослев, она поняла: ее отец является пусть не самым главным, зато самым важным его обитателем. «Начальник экспедиции» – это звучало так же загадочно и красиво, как название самого мира – «Козерог». Но потом отец опрометчиво пообещал: вскоре Настя сможет попробовать себя в роли пилота... нет-нет! не прыгуна и даже не катера – флаера. Но сперва нужно дождаться высадки на Лераду.

«Это что? Планета? Чес-слово, планета?! А там надо ходить в скафандрах? Нет? Жалко... А звери там водятся? А я смогу?»

Занятия на летном тренажере и инфо-кристалл с рассказом о Лераде позволил родителям перевести дух, но следом разразилась буря: «Козерог» вошел в систему, экспедиция готовилась к высадке, а Насте предложили отправиться в компенсационную капсулу – спать. И это, когда путешественнице вот-вот исполнится семь?

Смешно. Честное слово, смешно!

В ход пошли уговоры, угрозы и, наконец, плач. Родители атаку выдержали. Причитая и всхлипывая, Настя забралась в полупрозрачную «колыбель». Утешала возможность поторопить время. Короткий сон – и полеты с отцом из мечты превратятся в реальность.

Настя спрыгнула на пол. Тишина настораживала, удивлял

тусклый свет. Около капсулы валялся тапок. Один! Второго отыскать не удалось, зато нашлась куртка. Неведомая сила забросила одежду в соседнюю капсулу и захлопнула купол. Напрасно пульт управления подмигивал зеленым глазом – Настя обеими руками вцепилась в торчащий наружу рукав, для верности, уперлась ногой в стойку и дернула.

Треск. Вопль. И путешественница вместе с оторванным лоскутом оказалась на полу. Боли не было, зато обида застлала туманом глаза. В одних носках, скользя по панелям пола, Настя выскочила в коридор – жаловаться.

Она им покажет. Чес-слово покажет! «Колыбель», ту разобрать. До зажимов. Будет знать, как куртки заглатывать! И мама хороша. Обещала встретить. Десять раз обещала! Никому верить нельзя!

Пробежка оказалась короткой – проход загоразживал гермошит. Один из десяти. Или двенадцати? На памяти Насти их закрывали четыре раза – для проверки. Смотреть, как плоская громада рассекает коридоры и секции, путешественница предпочитала на руках у отца, иногда и мать за руку держала – для надежности.

«Щиты спасут людям жизнь, если в соседний сектор ворвется космос, – объяснял ей отец и всегда добавлял: – «Козерог» – прыгун надежный, и капитан у нас молодец. Щиты нам никогда не понадобятся».

Понадобились. По крайней мере, один. Настя пинала его, устав, рассадил ладонь о сенсор замка – щит стоял неколе-

бимо. На глаза Насти навернулись слезы, следом подоспел страх. Хотелось сесть на пол и плакать: час, день, вечность.

Она и плакала, пока не услышала свое имя...

– А? Кто?

Юная ведунья попыталась открыть глаза. Видения прошлого исчезли, но веки подниматься отказывались.

– Насти, ты почему не выпила отвар?

«Опять тетя Дари с вопросами не ко времени».

– Какой еще отвар? Я спать хочу.

– О духи! Тот, который на столе в кружке стоял. Нас-ти!

В ответ раздалось мерное сопение.

Первая порция холодной воды породила визг, после второй исполнительница Танца соизволила сесть и выпить содержимое кружки. В дом Настю пришлось вести – глаза юной ведуньи оставались закрытыми. Стоило коснуться подушки, сон завладел Настей вновь. Воспоминания ее больше не тревожили – должно быть, решили отдохнуть.

Солнце пряталось за облаками. Ведунья тоже где-то пропадала. Искать ее было лень, и, размазав по щекам холодную воду, Настя вернулась в дом. В печке обнаружилось полгоршка заправленной ягодами каши. На столе, прикрытые полотенцем, стояли тарелка с лепешками и мисочка с медом – лакомством редким и ценным.

Настя взялась за ложку. Каша кончилась на удивление быстро. «Пожадничала тетя Дари», – решила юная ведунья и перешла к лепешкам. Она дожевывала третью, когда за спиной скрипнула дверь.

– Ну, наконец-то! – сказала Дарини. – Я уж будить тебя собралась.

– Ватажники, небось, еще спят.

– Ватагу проводили сегодня утром. Ты проспала ночь, день, еще ночь и... почти половину дня.

Настя забыла жевать. С лепешки на стол капал мед – воспитанница ведуньи не замечала.

– Чего застыла? – Дарини усмехнулась. – Ешь. Это для тебя приготовлено.

Воспитанница слизнула с лепешки янтарную каплю:

– Два дня! Подумать только!

– Вот и подумай! Жила бы одна, могла не проснуться вообще.

Воспитанница фыркнула и принялась за еду. Ведунья села напротив, машинально отщипнула от лепешки кусок, смяла пальцами:

– Надо бы тебе в Лесной школе ума поднабраться. А что? Поживешь при Храме, послушаешь мудрых жриц, а духи позволят – сама жрицей сделаешься, со временем.

Настя закашлялась.

– Мне?! Жрицей?! – выговорила она, наконец. – А может сразу сказителем?

– Скромна, нечего сказать!

Воспитанница ведуньи впиалась зубами в лепешку.

Ох уж этот язык! Как ни следи, что-нибудь да ляпнет. Ну, к чему, хотелось бы знать, поминать самых уважаемых на Лераде людей? Ни к чему. Чес-слово, ни к чему!

Сказители! Знатоки обычаев и летописцы, они редко покидали Лесной поселок, но непостижимым образом знали все и обо всем. Историю свою сказители вели от Валада. Сын легендарной Анни, он прославился составлением Книги Лерады – свода правил, по которым строился новый, угодный духам уклад. Мастера, старейшины и служительницы Храма берегли жизнь людей. Последователи Влада – законы и обычаи, по которым эта жизнь проходила. Выбранные из отмеченных духами или отобранные из тех, кого озерное проклятие до срока обходило стороной, сказители не приказывали и не запрещали – они советовали. Но мало кто на Лераде решался послушаться тех советов. Сказителям доверяли, их побаивались, но, если о ком-то говорили, что ему можно доверять, как сказителю – это считалось верхом похвалы.

– Это я от неожиданности, – пробормотала Настя. – Чес-слово! Тетя Дари, зачем мне школа? И жрицей становиться я не хочу.

– Вот это меня и тревожит. Плоха та ведунья, что не мечтает служить звездожителям.

– А они существуют?

Дарини ударила ладонью по столу:

– Думай, что говоришь!

– А я думаю. И спрашиваю. И ответ услышать хочу.

Ведунья всплеснула руками:

– О духи, гляньте! Опять моя воспитанница за старое принялась. Ты была в Храме, видела рисунки на стенах. А сам Храм? Кто мог его таким сотворить? Никому из людей это не под силу, а духам без надобности.

– Ну-у, если так рассуждать...

– Да, так. А прочие следы... Если захочешь – найдешь. Помнишь легенду о стене поперек Ревухи?

– Стена, дававшая свет?

– В четырех днях пути вниз по реке ты найдешь то, что от нее осталось. Странные черные глыбы до сих пор торчат из воды. По берегам можно найти обломки. Ни одному человеку не удалось расколоть хоть один из них. Однако стена разрушена.

– Еще одна сказка.

– Я ходила в те края и видела черные скалы.

– А зачем ты там оказалась?

Дарини улыбнулась:

– Не тебе одной приходят в голову дурные мысли. Но я свои сомнения держала при себе.

– Я говорю только с тобой.

– Даже со мной! Узнай в Лесном поселке о нашей беседе, и меня, и тебя обвинят в нарушении клятвы ведуньи. Помнишь, что за это полагается?

За это полагалось очищение огнем, а проще говоря, разжалованной ведунье предлагалось совершить обряд самосожжения.

– Но ты ведь на меня жаловаться не пойдешь?

– Но у других тоже есть уши.

Настя хмыкнула и занялась остатком лепешки. Дарини расположилась у окна – дошивать теплую юбку.

В печке потрескивали дрова, а по дому текла песня. Голос у ведуньи был несильный, но чистый, и мелодию вел хорошо – не сравнить с завываниями девиц на посиделках.

Настя допивала ягодный чай, когда песня оборвалась.

– Заканчивай, – сказала Дарини. – Пойдем, покажу осколок черного камня.

– Оттуда?

– А откуда ж еще?

– Тогда, – воспитанница залпом осушила кружку, – я поела.

Камень ожидания оправдал, если это вообще был камень. Глянцевый, на ощупь он казался теплым и, как ни странно, упругим.

– Я покажу его Людэ, – стараясь поймать в камне свое отражение, сказала Настя. – А после назад принесу.

– Нет! Она может навлечь на поселок гнев Повелителей.

– И что духи запрещают делать с черными камнями?

Дарини отобрала у воспитанницы осколок легендарной Станции:

– Вот походишь в Лесную школу – узнаешь.

– Я не хочу.

– Я тоже много чего не хочу. О духи! Как же мне справиться с твоим невежеством?

Настя насупилась, но промолчала.

Так уж повелось, что на половину ведуньи воспитанница заходила по приглашению. А чтоб взять с полки свиток или тронуть ларец – духи упаси!

Казалось, здесь ничего не менялось годами: узкая кровать застелена вышитым покрывалом; на полке, оправленная в деревянный переплет, лежит копия знаменитой Книги Лерады; на столе – подсвечник и стило для письма. Сколько похожих Настя сломала, пока научилась писать – вернее, выцарапывать буквы – на розовой бересте!

– Сегодня у тебя день отдыха, – закрывая ларец, сказала ведунья. – Убери со стола и занимайся, чем хочешь. Но в поселок ни шагу. Да и в лес...

– В поселок-то почему нельзя? Я отдохнула.

– После Танца положено два дня покоя. Сократишь время один раз – забудь, что оно у тебя было когда-то.

– Я искупаться хочу.

– Недолго. И никаких ныряний и других берегов! Слышишь? Вечером не исчезай – поможешь с уборкой на Скале.

– А как же день отдыха?

Ведунья усмехнулась:

– Но ты ведь уже отдохнула?

Дарини вышла из дома раньше, чем Настя успела придумать ответ.

По грядкам луссара тянулись четыре тени. Две принадлежали брату с сестрой, две – расставленным в междурядьях плетенкам.

– Погодь, – Товен приподнял корзину. – Тяжелая, демон.

– Может вместе?

– Ага. Чтоб как нынче перед обедом. Корзина вперед, ты следом и обе в сарай, кубарем через порог. Лучше мелочь пока подбери.

Кряхтя, брат потащил плетенку с огорода. Грерок если чем и славился, то луссаром. В пору Зимних встреч, на его клубни у жителей других поселков грерокцы выменивали зерно, холст, любимые детворой кислянки и конечно драгоценный мед. Особый дар предназначался сказителям – выделанные из шкур бородачек листы пергамента. Поселки предлагали – сказители выбирали. Угодить им считалось великой честью для старосты, для мастеров-пергаменщиков, для всего поселка. Грерок и здесь отказа не знал. А вот добытые вагагой мясо и рыбу в поселке оставляли себе – чтоб не винить чужих, коли беда нагрянет.

Брат вернулся быстро – Тэни едва успела закрыть луссаром дно второй корзины.

– Мамаша в окне деревяшку выставила, – сообщил брат. – Непонятно только кого ждать собралась. Отец дальше просеки ныне не хаживает.

Тэни оттерла рукавом лоб:

– Уж больно ты, братец, злой.

– Зато ты у нас добрая, особенно к чужакам.

– Да у нас их последнее время, вроде как, не бывало.

Всадив лопату поглубже в грядку, Товен перевернул пласт земли. На свет явились пять желтоватых клубней. Тэни бросилась их собирать.

– А время здесь ни при чем, – снова вгоняя лопату в землю, сказал брат. – Ты зачем после Танца к калекке заглядывала?

– Насти просила.

– Помочь. Верно? И ты пошла.

Клубень выскользнул у Тэни из рук:

– Ой, мамочки! Это я, вроде как, без духового позволения.

– Вроде как, – передразнил брат.

– Насти сказала, что это обмен – на оберег для Дирена.

– Оберег, если даст, то ведунья... Да не причитай ты! Это я сперва так решил, а после с другого конца глянул. Просьбы ведуний, они все духами освещены. Верно? А Насти в тот вечер, что делала? Правильно. На запретном песке танцевала. Стало быть, заместо ведуньи была.

– Думаешь? Ой! Я с ней все по-простому, а она выходит...

– Выходит. Только вот с ведуньей дружить... – Товен по-

смотрел на сестру.

– ...в дом беду приводить, – прошептала Тэни окончание известной поговорки. – Товен, миленький, что ж делать-то?

– Луссар собирать, – брат налег на лопату, пряча улыбку, вывернул из земли новый куст. – Нам, между прочим, эту грядку сегодня закончить надо.

Тэни кинулась подбирать клубни. Товен переворачивал пласт за пластом. Корзина быстро заполнялась.

«Умница у меня сестрица, – относя в сарай очередную корзину, думал Товен. – Трусиха и умница».

По лесу тек сумрак, застревал в зарослях подлеска, скапливался в ложбинах. Настя спотыкалась, шипела, но как не старалась, не могла разглядеть корни деревьев под слоем опавших игл и листьев. Воспитанница ведуньи рисковала опоздать на Большой круг.

И это вдобавок к утренним неприятностям!

В первый раз, Настя отправилась в поселок после завтрака. На траве и кустах серебрилась роса, над полянами в поисках последних цветов метались перелетки. Стоило выйти на берег, ветер заколыхал подол платья, вынудил кожу щетиниться мурашками. Настя пожалела об оставленной дома куртке и прибавила шаг.

Берег Ревухи был высок, но надежен. Дома на нем стро-

или без опаски, а к воде добирались по деревянным спускам. Один – Черный или Рабочий – располагался на дальнем конце поселка, вблизи мастерских. Другим, устроенным со стороны Скалы и прозванным Бабьим, пользовались хозяйки – ходили на мостки полоскать белье. Две прачки – обе дородные, обе в годах – трудились внизу и сейчас. Третья, неся корзину белья, поднималась по лестнице. Настя признала Тэни.

– Привет!

Подруга вздрогнула и подняла голову:

– Да услышат тебя духи, отмеченная!

Ветер враз потеплел. Настя расправила плечи.

Отмеченная!

Не зря, выходит, Настя скакала у костра. Дарини о похуже сколько раз намекала. И вот случилось. Сбылось! Но пусть другие прозревают, а дочка старосты при Насте останется.

На выгнутом, словно лук, берегу, в четыре нити тянулся поселок. Рыжие срубы, вызолоченная осенью листва, фигурки грерокцев на дальнем, Рабочем спуске.

Одолев последние ступени, Тэни поставила корзину на траву:

– Ты уж прости. Я раньше, вроде как, не понимала. Ты – ведунья, ты подарила духам Танец, а я с тобой...

– Толстушки надоумили?

Тэни замахала руками:

– Куда им! Товен. Он мне, будто глаза открыл.

– Долго же ты спала, – Настя хмыкнула. – Прическа посвященной. Я уж полтора года ее ношу. А вы нас за то вертихвостками кличете.

Подруга покачала головой:

– Не злись. Мы с тобой болтаем о чем не попадая, а тебя духи слышат. Отмеченных они любят. А я... вдруг осерчают? Вот я и решила... – Тени облизнула губы. – Лучше нам врозь.

– Значит, Товен, – будто про себя, проговорила Настя.

Внизу послышалось громкое «ах». Подруги бросились к перилам.

Суется и причитая, толстушки вылавливали что-то из реки. Сверху смотреть – два коlobка перекатываются. В ход пошел припасенный для таких случаев шест, и вскоре над водой появилась беглянка – то ли юбка, то ли рубаха.

– Развесили уши, раззявы, – Настя повернулась к прачкам спиной. – Где этот любитель косогоров? Дома? Тэ-ни! Когда отмеченная духами требует, следует отвечать.

Дочка старосты с трудом оторвала взгляд от знаменитых на весь поселок сплетниц:

– Насти, он прав, понимаешь? И мы это видели. Прямо сейчас.

– Где он?

– Дома... Ой, мамочки! Как тебя убедить?

Вместо ответа раздалось строптивное «фыр». Бросив уго-

воры, Настя потянула подругу за рукав.

Тропа провела по берегу и, отвернув от обрыва, влилась в улицу. В пыли проступили следы телег. Путь лошанов отмечали отпечатки подков и комья навоза. Вдоль реки потянулись амбары. Напротив, через улицу, темнели заброшенные дома и заросли низкорослых белис. На тонких, словно у кустов, ветках трепетали серебристые кругляшки-листья – лакомство для бородачек. С десяток светлых пятен и сейчас маячили меж стволов. Раз высунулась голова: узкая морда, глупые глазки-пуговики, а между ушей рога – льнут друг к дружке и назад загибаются.

Слева показалась приземистая кривобокая постройка. Из трубы сочился дымок. Исполосованная щелями дверь, скрипя, покачивалась на сквозняке.

«Опять Людэ улицу топит, – с раздражением подумала Настя. – Нет бы, дрова побережь».

С уходом ватаги поселок, будто уснул: безлюдно на улицах, тихо во дворах. Так было в Грероке, в соседних Чащобах, так было в богатом медом и прочими пчелиными дарами Каменце. Проклятых озер страшились, но на них же надеялись. За ватажников тревожились, но ими же гордились. В пору Зимних встреч грерокцы хвастались перед жителями других поселков просеками сквозь лес и путевыми столбами в лугах. Устроенная прадедами дорога тянулась до дальних, самых богатых озер. Рыба там водилась жирная, а зубоскалы славились размерами и мехом, густым, блестящим и не боя-

щимся воды.

Развалюхи кончились. По сторонам самой длинной в поселке Речной улицы стояли крепкие, цвета обожженной глины дома. Срубы сложены из срединных стволов смолистых горен, на изломе двускатных крыш прилажено по четырехконечной звезде. Богатый на постройки двор старосты окружал особенный, песочно-бурого узора плетень. Многие гребокцы на спор и втихомолку пытались воссоздать у себя такую ограду. Узор не давался.

Тэни на правах хозяйки открыла калитку, и подруги вошли во двор. Товена отыскиали на заднем дворе – засучив рукава, паренек орудовал колуном.

– Ты что про меня Тэни наплел? – сходу напустилась на приятеля Настя.

– Не наплел, а предупредил. И, между прочим, здравствуй! – оставив колун, Товен обтер руки о штаны.

Настя мысленно отругала себя за оплошность:

– Испугался, что мне на косогоре ляпнул? Да, Товен? Так сестра – не ты. Глупостей не говорит.

– А ведунья говорит, будто у Повелителей с отмеченных спрос особый. Стало быть, и догляд за вами непростой. А нам, прочим, лишние неприятности без надобности.

Настя недобро прищурилась:

– Сомнение в справедливости духов взяло?

– Я Повелителей чту. Спроси в поселке любого – подтвердит. А вот ты... ты чужая.

– Товен, не надо, – попросила Тэни.

Брат отмахнулся:

– Да, чужая! Отмеченная духами? Пусть так. Все равно, чужая.

– Тише, Товен, – озираясь, шикнула на брата Тэни. – Духами заклинаю, тише!

Товен ухмыльнулся, демонстративно расправил плечи:

– Зачем? Весь поселок знает: Насти родом из поселка, что стоял у белых холмов.

– Да, стоял. А теперь его нет! – Настя подступила к приятелю. – Озерка забрала всех. Только нам с Людэ духи позволили выздороветь и ватагу Грерока на нас навели. Хотели, наверное, показать, что случается, когда поселок живет без ведуньи.

Товен погладил рукой обух колуна:

– Поселок без ведуньи у белых холмов... А где те холмы? За лесом! Старики говорят, там живут демоны.

Сестра прижала руки к груди:

– Товен? Ты думаешь, что ты говоришь?

– Думаю. И жду, когда другие задумаются. – Брат, наконец, взглянул на сестру: – Настин охотничий нож. Я к нему, между прочим, давно присматриваюсь. Бывало, дожди льют – свой нож чистить не успеваешь, а на ее хоть бы раз пятно углядел.

Настя машинально схватилась рукой за пояс, потом опомнилась: какой нож? она же не в лес – в поселок отправилась.

– Что-то я не пойму: то ножи, то демоны, – процедила Настя. – А Тэни-то здесь причем?

– Не хочу, не хочу, чтобы моя сестра водилась с... с...

– С будущей ведуньей Грерока, – закончила за Товена сестра. – И знаешь, прикусил бы ты, братец, язык. И так глупостей наговорил сверх меры. Завидуешь ты, братец. Моей с Насти дружбе завидуешь!

Товен расхохотался. Резкие, хриплые звуки больше походили на вопли орлянки.

– Да плевать ей на нас! Она сама да калека старая – вот все ее заботы. И, между прочим... – понизив голос, Товен огляделся в поисках лишних ушей. К счастью, в соседних дворах и на улице было пусто. – Между прочим, последнюю орлянку подстрелил не я, а она.

Щеки юной ведуньи, будто огнем обожгло:

– Ты мог отказаться!

Рот приятеля расплылся в ухмылке.

– А я решил посмотреть, что будет. Духи запрещают женщинам охотиться на орлянок. Но ты даже Повелителей ухитрилась обмануть.

– Товен, я – младшая ведунья.

– Ага. И, между прочим, на днях просила за весь поселок.

Настя уставилась на сына старосты. Таким простым, безобидным казался. И нож. Дарини до сих пор невдомек, а этот заметил.

Быстро, едва не бегом, Настя пошла со двора. Тэни в

растерянности крутила головой. Спина уходящей подруги и поджатый рот брата излучали одинаковую непримиримость.

– Насти, стой! – Тэни забежала вперед, встала у калитки. – Последнее перо. Оно, вроде как, не его? Да?

– Язык попрिдержи! – процедила Настя. Впереди на улице маячили две фигуры. Докричатся получится, поговорить – нет. Из-за дома донесся стук. – Слышишь? Колет. И я пойду.

– А я... – Тэни прижала ладони к щекам: – Ой, мамочки! Белье. Я его там, на тропинке оставила.

К Бабьему спуску возвращались молча. Тэни забрала корзину и поспешила домой, Настя свернула на лесную тропу – ту, что вела к Скале и хутору ведуний.

Лес наполнился запахом ягод. По сторонам тропы осенними красками пестрел подлесок. На шуршание палой листвы наслаивалось позвякивание горен. И все же, Насте казалось, будто она по-прежнему слышит стук колуна. Проходя луг с идолами, младшая ведунья поежилась, подумала с досадой: «Танцы, запреты, духи – да чтоб их всех демон побрал! И озерное проклятие прихватил, в придачу. Хотя...» Младшая ведунья покачала головой. Чем бы не считать озерку: болезнью или испытанием – однако, не покрой семь лет назад кожу Насти и Людэ розовая сетка, Жаккод чужаков мог бы в поселок и не принять...

Беда подкралась тогда летним вечером. Впервые после катастрофы Настя с Людэ поели вдоволь и с удовольствием. Терпеливо, что само по себе казалось чудом, Людэ слуша-

ла Настин рассказ о лесных озерах и о рыбе, которой в них «видимо невидимо». Спать легли поздно. А дальше? Тело покрыла корка бурых, тошнотворного вида пузырей. Настей овладели холод и жажда. Сохранила память и спуск к Разбегайке – желание избавиться от мерзкой корки оказалось сильнее слабости. Страх Настю тогда пощадил, но за былую поблажку дань собирал до сих пор – снами.

Разложив сохнуть на камнях куртку и брюки, Настя сидит на берегу. Вода смыла остатки пузырей, и кожа кажется покрытой розовой паутиной. «Неужели такой и останусь?» – тревожится Настя. И тут, словно ливень с чистого неба: «Тетя Людэ! Ночью пить не дала и теперь не хватилась».

Настя вскакивает. Берег высок, но первые шаги даются легко. Наверху, в тени горен – палатка. Расстегнутый полог хлопает на ветру.

«Тетя Людэ!» – крик Насти больше походит на писк, но, словно разбуженный им, склон начинает расти, медленно, потом быстрее. Настя спешит изо всех сил, но палатка устремляется ввысь и пропадает в пасти слепящего солнца.

«Неправда, – кутаясь в одеяло, бормочет юная ведунья. – Я поднялась. Я успела!»

Дарини раннему возвращению воспитанницы, если удивилась – виду не показала. Настя тоже помалкивала – до вечера. Лишь когда по дому поплыл аромат гроздевичного чая, воспитанница решилась – рассказала о разговоре на засыпанном щепками дворе. Ни слова от себя не прибавила.

Только о ноже умолчала. К чему его к орлянке примешивать? Ни к чему. Чес-слово, ни к чему.

Ведунья воспитанницу не прерывала, но из кружки отхлебывала все реже. Стоило жалобам кончиться, заметила:

– А ведь я тебя спрашивала в тот вечер. Помнишь?

Настя вскинула голову:

– Разве? Ну-у, в общем... да.

– Стало быть, понимала. И Товен понял, по-своему.

– Сболтнет – останется без пера.

Ведунья кивнула:

– Язык он попридержит. Но если, не приведи духи, грянет беда, Товен напомнит о двух чужаках, коих приютил поселок.

– Двух? – привстав, Настя уставилась на ведунью. – А а Людэ-то здесь причем? Это же я... Я нарушила дурацкий обычай!

Кружка ведуньи с грохотом опустилась на стол.

– Думай, что говоришь! На озерах за Товена стрелять будет некому. А его добыча – еда на твоём столе. И сядь, чего распрыгалась?

Настя опустилась на скамейку. Под руку попалась лепешка. Выдрав середину, Настя сдавила мякиш пальцами.

– Людэ ни при чем. Она... она отмечена духами!

– Да. Но она чужая.

Истерзанный мякиш замер в руке.

– А ты? Своя?

Ведунья подседа к воспитаннице.

– Да, Насти, я тоже чужая. Но я могу назвать место, откуда я родом и где меня помнят. А где твой поселок? Где народ, что говорит на твоём языке?

– Он жил далеко, у белых холмов. Теперь его нет. Я же рассказывала!

Ведунья отобрала у воспитанницы растерзанную лепешку.

– Ты много о чем рассказывала. Услышь жрицы иные рассказы – не видать бы тебе звания младшей ведуньи!

– Да выдумки то были, тетя Дари.

– Вот это верно. Потому что нет у гор никаких поселков. Снег есть, а поселков нет. И не было никогда.

Настя прикусила губу.

Покончить бы разом и с тайной, и с недоверием. Один рассказ – так просто! Но как быть с легендой о Живущих среди звезд?

– Про стрельбище впредь забудь, – сказала ведунья. – И в поселке без особой надобности не появляйся. Хотя бы до возвращения ватаги.

– Сегодня Большой круг.

Ведунья не ответила – пила чай. Кончив, прикрыла полотенцем лепешки. За окном шептался лес, над рекой небо наливалось вечерней синевой.

– Тетя Дари!

– Иди, – сказала ведунья, – но от Тэни и Товена держись

подальше.

– А от Тэни-то почему?

– Делай, как я сказала.

Бросив на стол полотенце, ведунья скрылась за перегородкой.

– Ух! – выдохнула Настя и, собрав миски и кружки, поспешила на двор – мыть посуду.

Не каждая семья отправила близкого на озера, но возвращения ватаги ждали все. И сейчас, когда долго тянулись дни и в тревогах проходили вечера, стремясь поторопить одни и скрасить другие, раз в семь дней грерокцы собирались на Большой круг – послушать стариков. Те, как водится, говорили о прошлом. В устах седовласых рассказчиков была переплеталась с вымыслом, легенды сменялись воспоминаниями. Настя тем и развлекалась: фантазии отсеивала, из правды складывала истории – Людэ потом передать.

Костер со скамьями окрест – круг малый. Восемь костров опоясывают Дом решений, а там огонь в очаге днем и ночью горит. Если на поселок взглянуть с колокольни, да еще Дом решений без крыши представить, получится, что площадь – один большой круг. С востока его теснит река, с запада подпирает колокольня.

Настя свернула на площадь, крадучись прошла вдоль

плетней. Отблеск пламени рыжим глазом горел на колоколе. Шестиугольник Дома решений угадывался по прорехе в цепочке костров. У второго Настя заметила Тэни. Рядом сидел Дирен. Парочка предусмотрительно выбрала задний ряд и теперь пользовалась удачей – хорошо различимый на фоне огня, девичий профиль то и дело смыкался с другим, более резким. Юная ведунья поглазела, хмыкнула и отправилась дальше – искать, к кому бы присоединиться.

Сына старосты заметила случайно. Приткнувшись меж взрослых, Товен слушал байки охотников. Вокруг улыбались, покачивали головами, иногда похохатывали. Рассмеялся и Товен, запрокинул голову, затрясся весь и глянул – как раз в сторону Насти. Воспитанница ведуньи метнулась прочь – едва плетень не снесла. Костер она выбрала по другую сторону площади. Здесь собралась детвора и подростки. Младшей ведунье уступили место. Отказываться она не стала.

Рассказчик был один. В былые годы он славился, как умелый кузнец – из Лесного поселка получал заказы. Ныне на мастеровой конец ходил редко, но, если брал в руки молот, работать с ним почитали за честь лучшие мастера. Мифов и преданий кузнец знал без счета. Что-то перенял от деда, что-то услышал в молодые годы, когда в Лесном поселке ходил в учениках. Не чурался и сам новые сказы складывать. На Большом круге послушать старого кузнеца хотели многие. Если мест не хватало, перетаскивали скамьи от соседних костров.

– ... и была Ревуха широка и спокойна, да и имя у нее было другое, а какое – уже не помнит никто, – низким с хрипотцой голосом вещал кузнец. – Но сказывают люди, будто много рыбы плескалось в ее водах, да и по берегам живности хватало. Олени кольцоерогие, ревуны толстоносые – их теперь даже в Озерном краю не сыскать. То же и во дворах. Кто у нас там ныне? Лошаны да хворые бородачки? Возимся с ними, а толку? Вон, прошлую зиму, весь молодняк пришлось пустить под нож... А прежде, сказывают, в каждом доме уса-тый хранитель мурлыкал, к хозяевам ластился. А на дворе четвероногий друг на страже стоял.

Старик вздохнул. Вокруг сидели не шелохнувшись.

– Ну, так вот, – продолжил кузнец. – Друзья – друзьями, а я к тому сказ веду, что жизнь в те времена была иной, легкой, веселой. А все потому, что помогал нашим предкам добрый дух. Да-да. Помогал! Звали его то ли Электро, то ли Энеро, а может, это было одно имя. Вниз по реке поставил он небывалое строение и дал ему имя – Станция. Неохватной стеной тянулась она от одного берега до другого, а в высоту доставала до облаков. И проходила через стену вода, а, проходя, отдавала силу, что накопила за долгий путь, и свет, что растворился в ней. Свет – тот, понятно, темноту разгонял, а сила воду из реки таскала, да и другими полезными делами не брезговала. Поговаривают даже, будто корыта с людьми по воздуху перекидывала. Но это уж вряд ли.

Старик крякнул, выпрямил затекшие от долгого сидения

ноги.

– Деда Вас, – окликнул его большеглазый, с забавно вздернутым носом мальчишка, – а мне... мне папа говаривал, будто печки в ту пору были диковинные. Они, печки значит, сами готовили, без дров, без углей. А-а еще ножи были, коих ржа не брала.

Вокруг засмеялись.

– Правда были, – возразил мальчишка и с надеждой уставился на рассказчика.

– А ведь Летон прав, – поглаживая бороду, заметил кузнец. – Слышал я про те печи, да и про ножи. Дед мой сказывал, со времен Великого мора один такой в нашей семье хранился. Правда, до меня не дошел.

Насмешники прекратились. Летон заулыбался. Кузнец прикрыл рот ладонью, откашлялся.

– Ну, так вот, – сказал он. – Чудеса – чудесами, а я вам про духа про доброго сказ веду. Забыл оно делах своих с Повелителями посоветоваться. Вот и обернулась его помощь для наших предков бедой. Разбаловались они. Ладно бы только о прежней тяжелой жизни запомнили – собой возгордились. От Повелителей, от самих Повелителей! начали нос воротить. Старшие духи и осерчали. Воздух, Вода да Огонь к реке подались, а Земля Электру отвлек. И вот, поднялся у Станции странный ветер: на берегу лист не шелохнется, а подле стены вихри поперек реки встали и воду со дна тянут. Не успело светило дневной путь завершить – вторая стена на

реке выросла. Выше первой! Ветер вокруг ярится. Рыб, что уплыть не успели, по сторонам раскидывает. А добрый дух нет, чтобы на детище свое взглянуть – в земле темной увяз и спорит. И проспорил. Разом стих ураган, накренилась водяная стена, взревела и рухнула. Застонала Станция, вздохнула так, что люди в дальних поселках тот вздох услышали, и раскололась. Что-то вода унесла, что-то земля поглотила. Одни черные столбы остались – в укор гордости людской.

Рассказчик умолк. Перемахнув скамейки, лица слушателей накрыла темнота. Первым опомнился мальчишка-костровой: подбросил хвороста и кинулся раздувать огонь. Пламя лизало ветки, но вместо света вверх полз дым.

– Деда Вас, – прозвенел из-за костра взволнованный голос. – А почему дух... ну, добрый который... почему он новую Станцию не построил?

– Да потому, Серен, что старшие ему не позволяют. Может знают, что добра не принесет или на прошлое гnevаются. Вот я про нож сказывал. А знаете, как он пропал? Решил мой дед сам похожий нож смастерить. Знать тем духа Огня и прогневал. Повелитель кузню спалил и нож отобрал. Спасибо колдунье – образумила деда. Более он с духами ровняться не дерзал. И вы не смейте. Почитайте и ждите. Все, как известно, конец имеет. Иссякнет когда-нибудь и гнев Повелителей.

– А с проклятием... ну с этим... с озерным как? – настаивал Серен. – Снимут его духи?

– Обещали. Хотя в Лесном поселке его чаще испытанием кличут. Вроде страшно – один на один с озеркой остаемся. А знаете, что в Лесном о ней говорят? Суть, мол, людская больному озеркой открывается. Принять ее – значит выжить. Только большинству, как видно, легче умереть. Я, признаюсь, по младости лет тем речам удивлялся. Лишь недавно их смысл уразумел. Поймете и вы, с годами. А пока, чтите Повелителей, и проклятие обойдет вас стороной.

– Не обойдет, – худенькая, светленькая девчущка шмыгнула носом. Сидела она рядом с Настей. – Мой брат Повелителей страсть как боялся. Меня ими пугал. А в прошлый поход уколол палец рыбой и умер.

Пламя побороло дым. Из темноты вынырнули лица слушателей, одни серьезные, иные испуганные. Костровой подсел к старику, на щеках мальчишки чернела сажа. Светленькая ждала.

– Брата твоего, конечно, жалко, – сказал кузнец. – Но у нас, мастеров да добытчиков, как? Ладно, если Повелителей за удачу поблагодарить забудем. А коли крепким словцом помянем? Вот духи и следят за нами с особым тщанием. С наших сестер да матерей спрос меньше, оттого и испытание они проходят чаще. Но упаси вас духи, наполнить сердца страхом. Уж больно велик соблазн Повелителям зла пожелать. Может, и брат твой за то поплатился.

Светленькая понурилась, но спорить не стала. Старик потрепал по плечу помощника:

– Чего приуныли? Кто перед духами чист, тому опасаться нечего. А для трудного дела можно у ведуньи оберег попросить. Вроде факела для ватаги. Ведь так, Настя?

Юная ведунья едва со скамейки не сверзилась. Не ко времени дед Вас повел разговор. Ох, не ко времени! Насте бы посидеть, послушать и улизнуть, пока Товен не спохватился. Но вопрос прозвучал, и слушатели ждали ответа.

– Дедушка Вас верно сказал: с оберегом в трудных делах надежнее. Но впереди у ватажников долгий путь. Худая мысль или проступок могут прогневать духов, и те лишат оберег силы. Нам остается ждать.

На отмеченную духами смотрели с уважением.

«Еще бы! – подумала Настя. – Кто рискнет перечить ведунье, пусть даже она младшая? Разве что Товен».

Костровой попросил рассказать легенду об орлянке, кузнец согласился, и юная ведунья поспешила встать.

Дед Вас желает поговорить? Насте вопросов хватит.

Череда поручений казалась бесконечной: то травы собери, то одежду подштопай, то бальзам свари, то обед приготовь.

– Отправляйся-ка ты сегодня за силинкой, – как-то утром сказала ведунья.

Настя замерла с миской в руке: «В день Большого круга за силинкой?»

Пробродить на болоте до вечера ради двух-трех десятков золотистых колосков – это бы Настя пережила. И от варки бальзама, случись она завтра, не отказалась бы. Но ждать до утра силинка не могла – увядала. Готовить собранное предстояло сегодня.

– Ты погляди, как деревья мотает, – возразила ведунья. – К вечеру, а нет, так завтра тучи нагрянут. Дождь пойдет – пропала силинка.

Настя поморщилась – она тоже заметила перемены.

Время сухих и солнечных дней заканчивалось, подходило к концу и время силинки. Это летом толстые стебли жадно впитывали влагу, иссушая округу; осенью, вызолоченная солнцем трава гибла после первого ненастья. Опадали чешуйки, черным зловонным месивом оседал стебель.

– В день Большого круга дождя не бывает, – пытаюсь убедить не только ведунью, но и себя, напомнила Настя.

– В день первого Большого круга. Сегодня третий. Его можно и пропустить.

– Я... я к Людэ зайти обещала. У нее спина болит. Она...

– Она давно позавтракала, а мы не начинали.

Дарини ела скоро и молча. Настя размазывала кашу по миске. За окном ветер рвал листья, тянул по небу цепочки полупрозрачных облаков.

– Разговоры – разговорами, а силинка ждать не станет, – вставая, сказала ведунья. – Раз ты занята, мне придется пойти.

Собралась ведунья быстро. Скрип входной двери Настю будто ножом резанул.

– Тетя Дари, я...

Дверь закрылась. Шаги ведуньи послышались под окном. Выйти? Догнать?

Насте представился завтрашний день.

Стрельбище в низине. Хромой бородач наставляет малышей. Товен с приятелями ждут поодаль своей очереди. Кто-то вспоминает о младшей ведунье: мол, вчера на Круг не пришла, хотя обещала. «Это ведунья ее наказала, – с ухмылкой поясняет приятелям Товен. – Зазналась, видать, после Танца-то. И, между прочим, ведуньям на посиделки дорога спокон веку заказана. «Кто на песчаный круг встал, тому на Большом делать нечего». Кажется, так говорят старики?»

Отгоняя наваждение, Настя тряхнула собранными в хвост волосами: догонять ведунью она не станет, а вот к Людэ придется зайти. На глаза попались любимые, отделанные цветной кожей сапожки. «Надо себя побаловать», – решила Настя и переобулась.

Что еще? С духами пообщаться, пока посторонних глаз нет?

Из четырех граней деревянного истукана Настя выбрала ту, где с нижнего яруса округу озирает дух Воды: рот разинут, брови сдвинуты, волосы и борода скручены в завитки-водо-вороты. Не дух, а водяной, чес-слово! Говорят, Повелитель таким легендарной Анни являлся. Хотя, водяных на Лераде

не знают, и Настя б не знала, если бы не Людэ.

Юная ведунья сунула в рот «водяному» травину. Вид у Повелителя сделался озадаченным. Настя хмыкнула. Когда-то, в первый год жизни в поселке, она предложила ведунье выровнять истукана и соскоблить с дерева мох. Результат Настю поразило. Первый и единственный раз Дарини накричала на воспитанницу, да еще заставила соскабливать мох, но не с идола, а со ступеней Скалы. Настя провозилась три дня. Вдвое дольше ведунья лечила воспитаннице руки. Урок Настя усвоила, но случая отплатить за обиду не упускала – пусть не наставнице, так деревяшке. Сейчас, уходя, она помахала «водяному» рукой.

Хозяйка лачуги сидела на кровати, подложив под спину подушку. Гостью встретила жалобами. И спина, мол, болит, и грерокцы на дороге пылят, а тут еще Настя запропастилась.

Что, времени нет? А на купанье время находится? От учебы Настя нос воротит. Язык родной скоро забудет. И что за повадку, понимаешь, взяла – «Людэ» ее называть? С местными понятно – дикари. Но для Насти она Людмила. Хотя бы когда они вдвоем... Что Людэ? Опять Людэ? О Вселенная, что за наказание такое!

Настя отвечала привычными отговорками. Мысли занимал утренний разговор с Дарини: каким окажется его продолжение? С пола и стола исчезли объедки и мусор, позабытой чистотой обзавелся стоящий на печи чугунок. Способа примириться с ведуньей не находилось. Разве что Дарини

силинки не найдет.

Череда жалоб оборвалась.

– Что стряслось на этот раз? – спросила Людмила.

– Ничего. Чес-слово ничего!

– Нас-тя. Хоть мне не ври. Приступы чистоты у тебя случаются исключительно по случаю неприятностей.

Не отвечая, Настя подобрала полено и, устроившись на скамейке, достала нож – тот самый, что не давал покоя Товену. Первая лучина походила на нить, вторая на черенок для совка, в третьей лезвие застряло.

– С Товеном я поругалась. Заносчивым больно стал.

– Товен – это... сын старосты? Настя, с ним нужно помириться.

– Ты прямо как Дарини. Та тоже на меня зла. Может, мне им в ножки кинуться?

– А дело настолько серьезно?

Полено шлепнулось на пол. Следом полетел нож – вошел в доску пальца на полтора и замер, поблескивая.

– Ни за что!

– Нас-тя! – Людмила подалась вперед, но, поморщившись, откинулась на подушку. – Ведунья понапрасну... Ну, вот, опять бегут.

С улицы донеслись торопливые шаги. Дверь взвизгнула, и вслед за облаком пыли в лачугу вошла Тэни: дышит тяжело, щеки пылают, из-под косынки выбилась прядь волос.

– Людэ, ты... Насти? Слава духам, нашла! Скорее! Беги

за ведуньей.

Отмеченная духами выдернула из доски нож, убирая, спросила:

– Никак Товен колуном себе по лбу попал?

– Товен? Почему Товен? – Тэни в недоумении уставилась на подругу, но тут же опомнилась: – Ой, мамочки! Да скорей! Там ватага вернулась.

– Так скоро?!

– ...четверо на озерах сгнули, совсем. Один вроде как утонул, а на прочих проклятие пало. На площади что делается! Жуть. Все злые. Танец поминают и тебя. Скажи ведунье. Пусть уймет их.

– Дарини ушла в лес.

Настя ответила машинально. Усталость, безмерная и беспричинная, разом охватила руки и ноги. Вдалеке слышался звон колокола. Казалось, на колокольне Грерока ударили в набат. «Вы чужие», – вспомнила Настя слова Товена. Или так говорила Дарини?

– Ну-ка пошли.

Окрик Людмилы остался без ответа. Настя вытолкала Тэни на улицу и потянула за дом. Под единственным окном к стене привалилась скамейка. Рядом рос куст стрельчатника. Ветер рвал с него пожелтевшие листья и уносил за огороды в лес.

– Оберег для Дирена просила? – подступив к подруге, спросила Настя. – Вот тебе повод угодить ведунье. Приве-

дешь в поселок – проси, чего хочешь.

Тэни обхватила себя руками за плечи:

– Может, ты сама?

– Чтоб после сказали, будто младшая ведунья испугалась ватажников? Те-ни! Нужен тебе оберег или нет?

– Ой, мамочки, – Тэни с опаской покосилась на начинающийся за огородами лес. – Где искать-то?

– На Сухом болоте. За огородом мостки – видишь? Там тропинка. Прямо до расколотого камня ведет. Оттуда с горки все болото видать. Иди, пока гости не появились.

Тэни послушалась. Настя смотрела ей в след, а в душу ползли сомнения.

На площади крик? Там и драки случаются. А Тэни за последнее время чего только не привиделось. Вот стыдно-то будет, если ведунья примчится зря.

Подождав, пока дочка старосты скроется в зарослях, Настя вернулась на дорогу, пройдя мимо построек, пробралась к реке. Между амбарами и обрывом тянулась тропинка. Ее окаймляли плети камнееда. Жесткие, похожие на ладонь листья радовали глаз: летом сочной зеленью, а теперь, осенью, ярким пурпуром. Послушать грерокцев, тропинкой не пользовался никто. А вот, поди ж ты, не исчезала.

До ближайшего к площади огорода Настя добралась без встреч и неприятностей. И те, и другие сулил рокот. Низкий и грозный, он то затихал, то набирал силу.

Толпа взяла в кольцо Дом решений. Тут же стояли телеги.

Староста что-то кричал с крыльца, но его мало кто слушал. Ржали лошааны. Причитали и выли матери и жены, сыпали проклятьями отцы и деды погибших. Зеваки роптали и требовали наказать виновных. Имя младшей ведуньи повторялось часто и громко. Поминали и ведунью, но реже, с оглядкой.

Отпрянув, Настя села на корточки, прижалась спиной к плетню. «Убедиться хотела? Так убедилась. А теперь... бежать отсюда и поскорей».

С площади донесся вопль. Настя не удержалась – выглянула.

Толпа, лошааны, телеги. В пыли у Дома решений лежит старуха, распустив седые космы, бьет руками по растрескавшейся земле.

Двое зевак кинулись поднимать безумную. Настя заметила Товена. Брат Тэни бегал вокруг, но протиснуться между старшими ему не удавалось. Старуху унесли. Товен с досады пнул камень. Тот запрыгал в сторону обрыва. Товен проследил его путь. И встретился взглядом с Настей.

Не моргнуть, не вздохнуть. Голоса умерли, люди превратились в истуканов. Остался сын старосты. Неестественно медленно рука Товена поднялась, рот приоткрылся. Раздавшийся следом звук Настю поразил. Неожиданно громкий, он больше походил на скрип.

Скрип плетня?

В тот же миг, точно луссар за ботву, юную ведунью схва-

тили за волосы и потянули вверх. Настя взвизгнула и выпрямилась.

– Таг, таг, таг, – прогнусавил над ухом старческий голос. – Тот-то я гадаю, гто это там у меня, у гворого, за оградой таится? Эй, вы, гто покрепче, сюда давай! Давай, давай, поторапливайся, а то вон как брыхгается!

Первым у плетня оказался мастеровой: поверх одежды повязан фартук, в волосах щепки, а на лице ухмылка. Настя по ней и черканула – ногтями. Парень отпрянул, но рядом уже сопел бородатый, со свороченным носом ватажник. Настину руку он перехватил. Цедя проклятия, мастеровой поймал другую. Бдительного деда отпустили домой. В горле старика булькало и клокотало. В такт кашлю сотрясалась изуродованная горбом спина.

«Дед Серена, – признала Настя. – А Дарини говорила, будто он не встает...»

Юную ведунью вытолкнули на площадь. Белые пятна лиц, темная полоса одежд. Толпа притихла. Или это у Насти заложило уши? Подгоняемая ветром, от берега к Дому решенный волна за волной катилась пыль.

– Ну что, довольна? – разодрал тишину старушечий визг. Толпа качнулась, поглотила Товена и зевак, выплеснула вперед ватажников. Настя попыталась вырваться. Куда там! Площадь, будто взорвалась.

– На горе на нашенское посмотреть пришла?

– Вона, как глазищами зыркает. Говорю вам, это она ви-

новата – прогневала духов, а нам отвечать.

– Во-во! И как не прогневать-то? Она ж это... чужая она.

– Ясно чужая. И не духам, чай, – демонам служит.

– Во-во! Я и говорю – отродье она демоново.

– Чай и я о том. Жечь ее надобно!

– Же-ечь?! – взвизгнула простоволосая старуха и, потрясая кулакам, повернулась к толпе. – Ишь чего выдумали! Да я за Лерона, за сыночка, ее своими руками...

– А я – за Жилка, – в упор глядя на Настю, проговорила рослая молодая женщина с бледным узким лицом.

Ни к месту Насте вспомнилось это же лицо. Недавно, да. Этой весной, глаза узколицей были влажны не от слез, а от счастья, а голову охватывал свадебный, из цветов плетеный венок.

– Эй, бабы, охолоните чуток, – попробовал вмешаться дед Вас, но старого кузнеца оттеснили.

Узколица со старухой рванулись к Насте, но самой проворной оказалась толстуха в засаленном платье: взвыла дурным голосом и вцепилась «демонову отродью» в волосы. Узколица, подскочив, отвесила Насте пощечину. Когда подошла старуха, выяснилось, что для троих места не достает. Старуха толкнула соперниц, получила локтем в бок, ответила... Новые «мстители», не разобрав, ринулись ей помогать. Началась свалка. Тузили и тех, кто призывал опомниться, и тех, кто случайно оказывался на пути. Кое-кто из зевак уже забыл, зачем полез в драку.

Внезапно, над толпой поплыл голос колокола: затопил площадь, накрыл дворы и затих, увязнув в лесной чаще.

– А ну прекратить! – раздался от Дома решений рык старосты. – Ишь размахались. Захотелось в реке искупаться? Прекратить, я сказал!

Большинство опомнились сами. Особо буйных оттащили.

На лбу и щеках Насти алели царапины, из губы сочилась кровь. Шнурок ведуньи то ли соскочил, то ли развязался, и волосы космами свешивались на лицо. Сознание Настя не потеряла, но, отпусти ее сторожа, едва ли устояла бы на ногах.

– Оли? – подозвал жену староста. – Проследи, чтобы Насти привела себя в порядок. Одежду поправь и прочее. А вы, – обратился он к «стражам», – коль взялись – стерегите дальше. Головой отвечаете!

Он поднял руку:

– Жители Грерока, как староста, я обещаю: если Настя виновна, мы поступим с ней по обычаю предков. Но прежде будет суд! Я иду за ведуньей. Кому есть, что сказать, пусть сделает это на Судной скале.

Глава 3

Истертая ногами и временем каменная плита притулилась под боком громады Грерока. У подножья священного исполина, покрытые деревянными щитами, располагались каменные седалища для старосты и старейшин. Скамья под выбитой в скале четырехконечной звездой отводилась ведунье, а площадка впереди – для желающих говорить.

Многое повидала Судная скала. Бывало, до утренней зари велись на ней споры, случались и драки. Но и тогда оставалось здесь место, куда никто не ступал по собственной воле.

Обозначенный плоскими камнями круг расположился у обрыва. Забитые мхом трещины, пучки чахлой травы и ни следа тех, кто поплатился за злой умысел или стал жертвой навета. Проступки разбирали в Доме решений – на скалу приходили судить. Случалось такое редко – на памяти Насти всего два раза. Но никогда прежде, юной ведунье не приходило в голову, что настанет день, когда в круге окажется она сама.

Пока Оли промывала юной ведунье царапины, Настя отчаянно мечтала сбежать. В дом ведуньи... нет! лучше в охраняемый истуканами круг. Укрыться за костровым камнем и ждать прихода Дарини.

Но мастеровой с ватажником сторожили строго, их хватка оставалась крепкой и по дороге вдоль берега, и во время

пути через лес. Когда под ногами закрипел рассыпанный по скале песок, Настей овладело безразличие. Она слышала Жаккода, понимала, о чем он говорит, но сказать об уходе ведуньи? Зачем?

Очнувшись заставил ветер: обжог холодом ссадины и подтолкнул в спину – прочь от реки. Настя послушалась, но стражи преградили путь. Позади них роптали грерокцы. Ведунью найти не удавалось, и староста отказывался начинать без нее. Чем больше доводов приводил Жаккод, тем ближе к скамьям подступала толпа. Старейшинам – кто за старосту встал – огрызались, несогласных соседей спихивали на луг.

Площадка для выступлений скрылась под ногами недовольных. Ропот перешел в гвалт. Жаккод покосился на юную ведунью, поймал растерянные взгляды старейшин и поднял руку.

– Грерокцы! Всех нас сюда привела беда. Мы ценим мудрость ведуньи и с благодарностью следуем ее советам. Но испытывать сердце мудрейшей жестоко. Судьбу грерокца решают старейшины. Так пусть они решат и судьбу воспитанницы ведуньи. Мы начинаем, и да поможет нам дух Скалы.

Толпа отхлынула. Староста опустился на скамью. Рядом рассаживались старейшины. На площадке задержался один – коренастый, с заметным брюшком бородач. Его лысая макушка блестела на солнце, на старосту бородач глядел, не мигая – глаза в глаза. Под обрывом ворчала река. Вокруг перешептывались грерокцы. Жаккод не выдержал – нахмурил-

ся и отвел взгляд. Настя встрепелулась: «Вот сейчас, может быть...» Позади бородача возникла суета, слышались крики, ворчание.

Староста вскинул голову:

– Что там еще?

На скалу поднимались согнанные на луг грерокцы. Победители милостиво потеснились, давая им место. Бородач покачал головой и сел под скалой справа от старосты. Между ним и Жаккодом осталась пустая скамья – место ведуньи.

«Где же она?» – тревожилась Настя. Дарини запаздывала, а из слов старосты получалось, что даже успеи ведунья до конца суда, она не сможет его остановить.

Или все-таки сможет?

Шаги на улице стихли. Отдалились и смолкли голоса. Последней улеглась пыль. В щель между досок виднелся кусок истоптанной сотнями ног земли.

«Все, дофыркалась!»

Как могла быстро, Людмила накинула поверх платья засаленную куртку, сунула ноги в разбитые, с обрезанными голенищами сапоги. Перед тем, как выйти за дверь, пришлось проковылять до кровати и забрать сучковатую палку-клюку: с недавних пор, у правой ноги появилась привычка отзываться болью на каждый шаг.

Из слов Тэни Людмила поняла всего три: «площадь», «ватага», «проклятие». Чтобы испугаться их оказалось достаточно – для Людмилы, но не для Насти.

Нельзя сказать, чтобы девочка не ведала страха. Боялась, конечно... Людмилы, советов ее. Все, понимаешь, назло делала. И на площадь отправилась из вредности, не иначе. И вляпалась. Теперь иди ее, выручай.

Ветер бросал в лицо пыль и песок. Людмила ругалась сквозь зубы. Усилий она прикладывала много, но заросли белис, взяв пример с горизонта, по-прежнему маячили далеко впереди. А там еще берег, гореновый бор.

Плохой из калеки спасатель.

Редкий сход слышал больше речей. Грерокцы перебивали друг друга. Раз едва не подрались – Жаккод остановил.

Поостыв, вспомнили о привезенных ватагою с Разбегайки чужаках, помянули о странной одежде, о чудном языке. Долго спорили о следах озерки: вроде были они, а вроде и нет. Конец перепалке положил дед Вас. Сомневаться, мол, оно каждому позволено, а только сам он те следы видел и со своего слова не свернет.

От старого кузнеца отступились. Но тут ватажники завели речь о Танце.

Гладко прошел он – спору нет. Но вот внезапная немочь

ведуньи? За два дня до Танца все видели – здоровой ведунья была. И после, на гулянье, хворой не сказывалась. Уж не порчу ли кто навел, а после Танца снял? Воспитанница ведуньи, чай все помнят, ночью исчезла, словно боялась людям в глаза смотреть, а последние дни так и вовсе поселок стороной обходила.

Рассказчики из ватажников были плохие, но слушали их внимательно. Жертвы остались в лесах у озер – в поселок вернулись герои. Дед Вас затерялся в толпе, старейшины помалкивали. А староста? Он не помогал и не мешал ни Насте, ни грерокцам.

Наконец, догадки истожились.

– Ну, Настя? – Жаккод повернул-таки голову в сторону обрыва. – Тебе есть, что сказать?

– Я... – воспитанница ведуньи вздрогнула. – Я сделала все, как надо. Честное слово! Да и зачем мне ватаге мешать? Чтобы весной сидеть на воде и луссаре?

Над скалой заметались смешки.

– Голодающая ведунья, – скрипучий женский голос подошел бы орлянке. – Эй, люди! Слыхал кто о такой диковине?

– Во-во! И я про то кумекаю, – поддакнул, стоящий напротив Жаккода, плешивый старик. – Да и с чего ей бояться проклятья-то? Нечего ей бояться.

Настя от отчаяния осмелела:

– Так отмечена я духами или нет?

– Отмечена, милочка, отмечена, – плешивый хихикнул. –

Вот только духами ли?

– Между прочим, она над обычаями нашенскими насме-
хается, – донеслось с краю площадки.

После краткой сумятицы вперед вытолкнули Товена.

– Ишь какой приткий! – буркнул староста и громче спро-
сил: – Насмехается, говоришь?

– Ага, – голос Товена звенел от волнения. – Это в день
первого Большого круга случилось. Тэни с уважением к ней,
как к ведунье, тогда подошла. Мол, да услышат тебя духи и
прочее. А Насти рассмеялась, корить ее начала. Тэни потом
с ней встречаться боялась. Вот и теперь где-то прячется.

– Врешь ты все! – воскликнула Настя. – Не было такого!

– А вот тут, милочка, ты лукавишь, – пропел бархатный
голосок. На площадку выкатилась одна из толстухек-болту-
шек. Живот, будто студень под платьем вздрагивает, безру-
кавку не застегнуть – мала.

Насте захотелось вцепиться сплетнице в раскормленную
морду.

Нет, не получится – сторожа из круга выйти не дадут.

Толстуха обхватила руками живот:

– Видели мы тебя у Бабьего спуска-то. И подружку твою
видели. Чего Маркуша молчит, того не ведаю, а за себя ска-
жу. Смутила ты девоньку. И смехом-насмешкой, и словами
укоризненными. Страсть как смутила. Перед духами в том
поклесться могу.

– А я поклесться могу, что у Насти нож заговоренный

имеется, – поспешил вставить Товен. – Видом странный и ржа его не берет.

– Ножа милый не видела – врать не стану. А сестренку твою пожалела. Стоит красавица ненаглядная, личико бледное...

– Ты слова Насти припомни, – прервал сплетницу Жаккод. – Ишь распричиталась!

Толстуха насупилась, еще больше выпятила живот:

– А ты меня, староста дорогой, не сбивай. Волнительно мне на Скале говорить. Страсть как волнительно. А дочурку твою Насти до того смутила – девонька корзину со бельем стиранным у спуска забыла. Мы с Маркушей поднимаемся, а она стоит – корзина Тэнина. Хотели вам занести, да скумекали: спохватится девонька, обратно кинется...

– Да ты не о белье – о Насти сказывай.

Толстуха удивилась:

– А я о ком? Как сыночек твой...

– Я о Насти спрашиваю! Говори или уходи.

Толстуха попятилась за спины ватажников:

– Да я уж сказала все.

Товену затеряться в толпе не удалось. Бледный и всклокоченный, он переминался с ноги на ногу.

«Так тебе и надо! – подумала Настя. – Борец за правду. Про орлянку, так смолчал! А про нож...» Рука коснулась пояса. Пусто! И ножен нет. Не сорваны – сняты. Только когда? И кем?

Размышления прервал голос старосты – Жаккод созывал старейшин. Совещались долго. Спорили, ругались вполголоса. Грерокцы, презрев обычай, тянули шеи, стараясь уловить, кто о чем говорит. До Насти долетало только глухое ворчание реки.

Дружный кивок головами, и, разом умолкнув, старейшины поспешили к скамьям. Староста вышел вперед.

– Я, Жаккод, староста поселка Грерок – да будет почитаем наш дух-покровитель – от имени совета старейшин объявляю: мы думали и решили.

Жаккод поднял руку, подождал пока смолкнут разговоры.

– Озерное проклятие настигло ватагу по вине Насти, – продолжил староста. – Обычай предков велит отдать ее Ревухе. Но! – Жаккод повысил голос: – Насти отрицает свою вину, и по тому же обычаю, мы разрешаем воспитаннице вудуны положиться на милость Повелителей – самой прыгнуть с Судной скалы. Отказ от прыжка равносителен признанию вины. Решение должно быть исполнено незамедлительно.

По скале прокатилась волна, бормоча, выплеснула особо нетерпеливых на площадку перед скамьями и втянула обратно – дальше, чем прежде стояли.

Жаккод обратился к сторожам:

– Вы начали, вам и на край вести.

Косясь на старосту, мастеровой с ватажником подхватили Настю под руки и поставили на край обрыва. Ворчание реки сделалось громче. Лицо осыпала водяная пыль. На пенящи-

еся водовороты смотреть было жутко, и Настя невольно отступила назад.

– Нельзя! – ватажник подтолкнул юную ведунью на прежнее место.

Настя оглянулась. Десятки лиц, сотни глаз. Ненависть и горе растворились среди любопытства. Вот и Товен: щеки бледны, в глазах растерянность. «Вспомнил-таки, чем на Судной скале разговоры кончаются», – подумала Настя и тут же выбросила сына старосты из головы – на скале появилась новая фигура: рука сжимает сучковатую палку, одежда с чужого плеча, волосы растрепаны, да и не расчесывали их давно.

«Людэ? Здесь? Узнала-таки! Хотя, как не узнать, если дорога на луг идет мимо лачуги».

Людмила говорила с Жаккодом, что-то втолковывала, сбивалась, с досады мотала головой и начинала вновь. Староста терпеливо отвечал. Река заглушала слова, но Настя видела, как чаще и чаще сбивается Людмила, как резче и короче становятся ответы Жаккода. Наконец староста махнул рукой и встал. Людмила покачнулась. Видно, нога подвела или голова закружилась.

«И здесь бесполезна. Совсем бесполезна!» – с ожесточением подумала о соплеменнице Настя.

– Совет сказал «незамедлительно»! – подойдя к сторожам, повторил Жаккод и вдруг, обращаясь к воспитаннице ведуньи, тихо добавил: – А ты, чем стоять, лучше бы сапоги сня-

ла.

– Не дождетесь! – буркнула Настя. Вспомнилась недавняя пропажа. Сперва нож отобрали, а теперь... на сапожки позарились?

– Не дури! – неожиданно мягко сказал Жаккод. – Глупцам духи не помощники, а от сапог в воде избавиться тяжело. Прилипают они и ко дну тянут. Снимай, говорю!

Настя опешила, не столько от слов, сколько от доброго тона. «Это он обо мне печется или к встрече с ведуньей готовится?» – явилась крамольная мысль. Сторожа, повинувшись старосте, отступили. Придерживаясь о скалу, Настя стянула сапожки.

– Ты, – староста указал на мастерового, – будешь считать. Коли дойдешь до пятидесяти, а Насти не воспользуется своим правом – ты ей поможешь. Начинай!

Парень обернулся на собравшихся грерокцев, словно надеялся, что найдется желающий его заменить. Толпа оставалась недвижимой.

– Ну?! – рявкнул Жаккод.

– Один, два...

Страж едва шевелил губами, но Насте чудилось, будто слова сотрясают Скалу.

В поселке не помнили случая, когда бы отданный реке человек вернулся, и все же. Плавать юная ведунья умеет, сегодня купалась и не замерзла совсем.

Мастеровой отсчитывал четвертый десяток. Пусть. Ей

хватит.

Настя шагнула за круг. Ватажник дернулся, но не успел – юная ведунья рванулась вперед и прыгнула в пустоту.

Толпа потекла вниз, на луг. Старейшины и ватажники уходить не спешили. Держась особняком, разговаривали каждые о своем. Остались и Тэни с Людмилой. Сторонясь друг друга, они не спускали затуманенных слезами глаз с сапожек. Рядом с Товеном появилась Оли, обняла за плечи и увела в поселок. Людмилу утешать было некому. Да и зачем?

Виновата. Кругом виновата. Недосмотрела, понимаешь, и помочь не смогла. Объясниться толком на дикарском языке – и то не сумела. А теперь поздно – для Насти поздно. А для себя?

Обманчиво тихий шелест, сколько он тогда длился? Людмиле казалось, будто она до сих пор слышит, как сжимаются в гармошку сектора, как смертоносными поршнями проносятся по секциям гермоциты. Последняя остановка перед возвращением домой – она и правда оказалась последней...

Невидимая паутина держала руки и ноги. Рвалась она неохотно, но, наконец, отпустила. Людмила открыла глаза. Обзорные экраны залила чернота, подсветка пульта погасла, из прорехи в потолке свешивались кабели. Людмила окликнула оператора – молчание; хотела встать, посмотреть – боль

иглами пронзила спину, ручейками лавы расползлась по телу. Пришлось замереть и ждать: десять ударов сердца, сто, двести. Боль отступила, и Людмила развернула кресло.

Помощник сидел к ней боком, наклонив голову: застывший взгляд, на лице – удивление, из груди торчит обломок потолочной панели, другой ее конец выглядывает из спинки ложементы с обратной стороны. Людмила тронула комм-клипсу: экстренный вызов всем, всем, всем. Ухо резанул пульсирующий звук – комм оператора зывал к хозяину. Похожие вызовы звучали сейчас во всех секторах "Козерога".

Ответ не пришел.

Людмила вернула кресло к пульта. Дублирующая консоль поупрямилась, но ожила. Результаты диагностики подтвердили догадку: не авария – катастрофа.

Но почему?

Комм взорвался хрипом и зашептал. Признать голос удалось не сразу – говорил Андер Пентон. Глава экспедиции, для экипажа он был важным, но неудобным пассажиром. Для Людмилы, в первую очередь, хорошим знакомым. Муж лучшей подруги, как-никак.

С Натальей она дружила со школы. Андер появился лет пять назад. Наталья врач, он биолог. Людмила завидовала им белой завистью. Не судьбе – оптимизму, с каким Пентоны защищались от зачистивших невзгод.

Компьютер сообщил координаты собеседника – лабораторный отсек в дисковой части корабля. То, что недавно этот

же отсек был объявлен уничтоженным, машину не смущало.

– Капсулы целы? – спросил Андер. Людмила слышала его дыхание, свистящее, как у астматика.

– Капсулы? О, прости! – Она послала запрос. Ответ пришел быстро. – Настя в порядке. Пробуждение через семнадцать минут. Аварийное. Значит, с момента катастрофы прошло...

– Неважно. Сколько человек отозвалось? Только честно.

– Ты... первый.

– Единственный, – поправил ее Андер. – Контрольный пакет на Землю ушел?

Людмилу, как водой окатило: отчет о прохождении маршрута!

– Мы не завершили маневра, когда система дала сбой, – нехотя признала Людмила.

– Плохо... Как Настя проснется, собирайтесь и уходите. Чем дальше, тем лучше.

– Ты не вправе отдавать мне приказы.

– Это просьба.

Людмила усмехнулась и тут же поморщилась – спина напомнила о себе тянущей болью. Закон, да что там закон, обычай! запрещал пассажирам вмешиваться в дела экипажа. Хотя, где теперь пассажиры и где экипаж?

– Похоже, это я вас подвел, – помолчав, сказал Андер. – Глава Рода дал разрешение, и я решил, что меня отпустили. Знал, что ценят. А они рассудили: если не им, то никому.

– Бред!

– Это когда у одного, то бред. Когда у двоих, то предчувствие. Наташа отмалчивалась, но меня не обманешь, – в голосе Андера послышалась горечь. – Жаль, проститься с ней не успел.

Схема корабля выводиться на экран отказывалась, но Людмила помнила ее наизусть. Изучая отчет системы, она искала свободный выход из лаборатории и дисковой зоны. Вариантов не находилось.

– Вы... вместе?

– Скоро будем. – Андер закашлялся, продолжил сипя: – Насте о этом разговоре ни слова. Скажешь, что погибли все. Людмиле сделалось зябко:

– Я не смогу.

– Думаешь? Сколько между нами щитов? Три?

– Система находит один, но должно быть четыре. Блок с первого я сниму, наверное.

– А остальные? В секторе жизнеобеспечения припрятаны излучатели? Или ты намерена эти громады руками отжать?

Людмила зажмурилась. Мертвец за спиной? Да лучше иметь десять мертвецов под боком, чем поддерживать такой разговор.

– Андер, я что-нибудь придумаю.

– Оставим Люда. Мне говорить тяжело, ног не чувствую. Наташе, считай, повезло. Сразу она.

Людмила молчала.

– Иди, – хрипло проговорил Андер. – Настя там со страху голову потеряет. И чтоб берегла ее! Слышишь?

– Да, я слышу. Обещаю!

– Вот ведь судьба, – голос Андера стал едва различимым. – Вчера от просителей не знал, как отбиться. Каждый в первую партию рвался – чтоб на планету и, желательно, раньше других. И вот оказались. Все! Разом! Только криков радости не слышать.

– Андер, и все-таки, я попробую.

– Я сказал, хватит! Прощай!

Раздался глухой щелчок – Андер отключил связь.

– Прощай! – ответила в пустоту Людмила.

Считать потерянные Настей комм-клипсы на «Козероге» давно перестали. Постанывая, Людмила выбралась в коридор. В красноватом свете аварийного освещения зеленые плиты пола казались бурыми. Опираясь о стену, Людмила одолела четыре плиты и остановилась, прислушиваясь. Из-за поворота доносилось всхлипывание.

– Настя! Это ты? Настя!

Ответный крик и топоток бегущих ног.

Та встреча до сих пор заставляла Людмилу краснеть от стыда и досады: напугала, запуталась и получила.

Распахнутые глаза, вскинутые брови и полные отчаяния слова:

– Я не хочу! Не хочу жить одна!

Людмила забыла о боли:

– Да как ты смеешь?! Папа тобой гордился, заботиться просил о тебе. Пока дома почуют неладное, пока отправят помощь – нам придется ждать. И мыждемся.

Слова еще звучали, когда Людмила поняла, что именно открыла девочке. Но Настя размазывала по щекам слезы и всхлипывала, затихая. Людмила ей даже позавидовала.

Сказки о заботливой и щедрой Земле годились для ребенка. Но так уж устроен человек: отвергнув один миф, он цепляется за другой. Древние, времен Долгих перелетов архивы сообщали об отправке к Лераде переселенцев с Земли. И если ошибки не было, если колонисты не вымерли и не одичали, их стоило поискать. Оставалось решить, как это сделать, отмеряя расстояния шагами калеки и ребенка.

В рюкзаках разместились палатка и концентраты. Компенсаторы веса поддерживали и груз, и ходоков. Над головой висело рыжее солнце, под ногами шуршали непривычно темные листья травы. Ветер доносил журчание воды. Небольшая, но быстрая река текла между холмов на равнину.

Людмиле вспомнилось предупреждение Андера. Раскаркался, понимаешь! По-умному рассудить, он не только ученостью – мнительностью великой славен. Был славен! А Людмиле теперь гадай: данкирцы или сотарцы? Соперники-конкуренты, пекущие технические новинки, словно пирожки, или отшельники-тихони, бродящие по космосу с бородатых времен. По виду – люди, и по мыслям похожи. В особенности данкирцы.

Это Земля, словно мозаика, собрана из народов. На Данкирии деление иное. Три десятка Родов с разными интересами и разным влиянием оберегают, защищают и развивают закрытый для чужаков мир. У данкирцев даже обращение особое есть – «щур» или «щури». Земляне, когда услышали, решили, что это перевод. Уж больно похоже звучало: «щур», «чур», «пращур». И что интересно, по значению схоже. «Щур» – тот, кто к Роду принадлежит, пусть даже принят в него за заслуги. А если нет за тобой Рода, значит ты «нешур», то есть изгой. Никто за тебя не заступится и к Вечной крепости проходу не даст.

Именно из-за этой Крепости у землян первая война с данкирцами приключилась. Висел земной корабль на орбите Данкирии, а потом не стало его, без причины, вдруг. Земля взыскала плату колонией – данкирцы, в отместку, разорили две базы. После сотарцы соизволили подсказать землянам: «Нельзя над Вечной летать. Не терпят такого данкирцы. Или Крепость не терпит».

Вот и думай, кто больше о Вечной крепости знает.

А о сотарцах знаний у землян почти нет – слухи. Известно, что народ это древний; по технологиям, и землян, и данкирцев обставит, а вот колониями не обзавелся. Нет колоний. Зато есть Источник – ему поклоняются. И есть знак – золотая змея. Сотарцы его чтят, данкирцы ненавидят. За что, почему – пойдя разберись. Связаны они как-то – данкирцы с сотарцами. А раз так, резон и возможность напакостить «Ко-

зерогу» имелись у тех и других.

Это если про случай забыть. Про Его Величество Случай!

На третий день путешествия, к реке подступил светлый, пропитанный смоляным духом бор. Если бы не оплетка из гибких, похожих на лианы ветвей – сосны как сосны. К концу седьмого перехода берег подрос. К концу девятого, в стороне от реки, в низине, взгляду предстали озера. На одиннадцатый день компенсаторы веса начали сдавать – пришлось остановиться. Спина, вопреки надеждам, болела по-прежнему – Людмиле приходилось лежать. Настя ходила за водой, выполняла мелкие и не очень мелкие поручения. А потом притащила с озер рыбу, большую, жирную. Анализатор выдал заключение: безопасна.

Озерное проклятие отметило и Людмилу, и Настю, но, промучив день, отпустило. Грерок оказался менее милосердным. После встречи с ватагой и тряски на телегах, Настю забрала ведунья, а Людмила оказалась в бараке для одиноких стариков.

Грязь, смрад, сморчки беззубых лиц – прошло семнадцать тягостных дней, прежде чем Настя смогла убедить Дарини, а та – старейшин, что отмеченная духами достойна лучшего. Пришлось сказать «спасибо» семилетнему ребенку: за кров, за одежду, за снятую боль. Однажды, Людмила обнаружила, что из «тети» превратилась в «Людю», а там и до «Людэ» оказалось недалеко.

Девочка окунулась в новую жизнь, Людмила брела по

краю. Не раз она задумывалась об их будущем, но представить, что переживет Настю, не могла.

Пережила. Только зачем?

Людской поток заполнил луг, нащупал тропу и хлынул обратно. Жаккод и старейшины вскочили с мест. Ватажники, не стовариваясь, подвинулись ближе друг к другу.

На скалу поднялись двое.

– Где Насти?

Жаккод замешкался с ответом.

– Что вы с ней сделали? – громче спросила ведунья.

Староста указал в сторону обрыва. Пара прислоненных к скале сапожек довершила ответ.

– О духи! – голос Дарини охрип. – Ты посмел? Судить отмеченную духами? Без ведуньи?!

На Скале зашептались, площадка перед скамьями стала просторнее. Жаккод выставил бороду вперед.

– Да, ведунья, мы посмели. Насти принесла несчастье в наши дома.

– Скорее отвратила беду еще большую.

Они стояли друг против друга. Схожие летами и примерно одного роста. Разве что поясом Жаккода Дарини могла обернуться раза два.

– Вы устроили самосуд!

– Нет! Мы положились на милость Повелителей.

Дарини подошла к ватажникам. Пристальный взгляд оцепал фигуры и лица. Особого внимания удостоился атаман. Ни вопросов, ни замечаний. Но отчего-то ватажники ближе подступили друг другу, а метавшийся по толпе шепот стих.

Ведунья будто того и ждала. Резко повернулась, и отошла к скамье под четырехконечной звездой.

– Я желаю выслушать рассказ участников похода, – усаживаясь, объявила она.

Жаккод и старейшины поспешили к своим местам, с луга возвращался народ. Тэни подтолкнули ближе к Людмиле. Заметив это, дочка старосты вздрогнула и отступила в толпу.

– Я буду говорить с ватагой без атамана, – заявила ведунья.

Вожак покосился на товарищей и остался на месте.

– Каррон, я жду.

Атаман отбросил со лба грязно-желтую прядь и отступил в толпу. Грерокцы потеснились, освобождая место уважаемому человеку.

– Так в чем, по-вашему, вина младшей ведуньи?

Под сапогами ватажников скрипел песок. Молчаливое совещание тянулось долго, но кончилось раньше, чем терпение ведуньи. Вперед шагнул известный удачливостью рыжеволосый охотник.

– Ты нас ведунья не кори. Мы это... ради поселка... ради вас на озера шли. Что ж тут лукавить? Боялись. А шли! От-

того, что знаем. Всех вас знаем. А Насти, она это, чужая она. И Танец ее ненашенский, то есть неправильный.

– Мы все видели, что духи отнеслись к Танцу благосклонно.

– Знаки они это... как и Танец, неправильными могли быть.

– Это в священном-то круге знаки неправильные?! – усмешка Дарини больше напоминала оскал хищника.

– А как же несчастья? – воскликнул долговязый, тщедушного вида парень. – Знаешь, ведунья, они ведь гнались за нами с первых же дней. Сперва утонул Мурон.

– Он умел плавать?

– Нет...

– Тогда зачем полез в воду?

– Ну, знаешь, – долговязый покосился на рыжеволосого товарища. Тот молчал. – Первый улов, как-никак. Ну-у, мы, как водится, как дедами-прадедами заведено: развели костер, посидели...

– Отведали пряной настойки, – подсказала ведунья.

– Ну-у, разве чуть-чуть.

– И боящийся воды зверолов отправился поплавать. Что потом?

– Трех свалила озерка.

– Разом?

Долговязый кивнул:

– Они к Длинному озеру пошли, на ползуна. Ну, а как вер-

нулись, так, знаешь, и слегли.

– Припасы брали?

– Зачем? Это ж Длинное. Кто ж мог знать, что там порченая рыба завелась?

– Знать?! – воскликнула Дарини. – Зачем вам знать? Еще предками нашими установлено: любое озеро подлежит проверке.

– Так то «любое», а это Длинное. Туда, знаешь, еще прадед мой хаживал, надежным его называл.

– И много добычи вы нам привезли с таких вот «надежных» озер?

– Мы, – долговязый покосился на притихших ватажников. – Знаешь, мы...

– Без добычи мы, ведунья, пришли, – перебил товарища рыжеволосый. – Совсем без добычи.

– Что-о? – Жаккод привстал.

Вокруг зароптали. Пока, правда, тихо.

– Тут это, как озерное проклятие объявилось, испугались мы. За поселок за нашенский испугались, – рыжеволосый то и дело оглядывался на товарищей. То ли поддержки искал, то ли на подсказку надеялся. – Вот и решили. Лучше пустыми вернемся, чем с собою беду принесем.

Ропот нарастал. Слушатели из задних рядов донимали вопросами тех, кто стоял впереди.

– Ти-хо! – рявкнул Жаккод. – Здесь вам не сход. Кто будет мешать, выгоню!

Голоса притихли.

– Стало быть, о поселке радели, – казалось, для Дарини, на скале не существовало никого, кроме участников ватаги.
– А сами-то как убереглись?

Рыжеволосый приободрился:

– А нас это, Каррон нас спас. Мы б без него... Да что там душой кривить. Пропали бы мы. Все как один на озерах сгинули. Атаман-то наш, как рассудил? Танец, он это, неправильный. Так? А коли так, то и факел, в том Танце добытый, не оберег, а это... наоборот, в общем. И не хранить его надобно, а выбросить поскорей.

– От берега, стало быть, избавились, – подвела итог путаной речи ведунья. – Собрались вместе, отреклись и бросили. Верно?

Охотник качнул головой:

– Нам это, боязно нам стало. Ну, как ошиблись? И Повелители во гнев войдут? Атаману спасибо – выручил. Он это, как увидел, что сомнение нас взяло, так и говорит: сам, мол, все сделаю и перед духами отвечать, коли судьба уготовит, тоже один стану.

– Кто-нибудь видел, как атаман выбрасывал факел?

– Я – нет, – рыжеволосый обернулся к товарищам: пожатие плечами, качание головой. – Не вдели мы, – заключил охотник. – Я ж говорю, сомнение нас взяло. А Каррон...

– Кто видел факел после пирушки?

Ватажники молчали.

– Но ведь его должны были охранять. Каждый. Поочередно!

Скрип песка и шелест ветра. «Оч-чередно», – прозвучал с высоты птичий крик.

– Поленились, стало быть, – заключила ведунья и встала. – Небрежение к оберегу, – объявила она. – Особенно, небрежение к оберегу, освещенному Танцем. Да за одно это духи обязаны были вас покарать!

– Они и покарали, – подхватил староста. – И то сказать, освященный Танцем оберег выбросили!

Ватажники озирались. От ведуньи веяло угрозой, сзади роптала толпа, а возле обрыва цепляла глаз пара девичьих сапожек.

– Сидя в поселке, обвинять легко! – прогудел атаман. Его глаза цвета стали сейчас и блестели, как сталь, холодно и неприступно. – А не пожелает ли ведунья выслушать мое объяснение?

Дарини качнула головой.

– Нет, атаман сбежавшей ватаги. Все, что хотел, ты сказал на озерах. А теперь помоги себе и признайся: когда ты заметил пропажу оберега?

Атаман вздернул прикрытый жидкой порослью подбородок, прищурился. Презрение и злоба лились на ведунью через узкий просвет.

«Отопрется, – пронеслось в голове у Людмилы. – И слова, небось, заготовил, пока драпал с озер».

Рядом с ведуньей встал Жаккод:

– Каррон, мы хотим услышать ответ.

Под скалой закрипели большие скамьи – старейшины спешили поддержать старосту. Площадка для выступлений превратилась в коридор. Одним концом он упирался в атамана, другим выходил к старосте и ведунье. Молчание тяжким прессом придавило скалу. Даже птицы – и те примолкли.

Лицо Каррона дрогнуло.

– В канун похода к Длинному озеру, – сипло проговорил атаман. – Я искал, но его, будто демоны унесли. Одно покрывало осталось.

Ватажники уставились на вожака. Над скалой поплыл гул, тревожный и грозный.

– О духи! – выдохнула Дарини. – Каррон! Ты понимаешь, что содеял? Признайся ты сразу, гнев Повелителей пал бы на тебя одного. Но ты промолчал! И на ватагу обрушилось проклятие. Ты струсил! И нас ждет голодная зима. И, наконец, ты солгал! И тем заставил старосту осудить невиновного.

– Невиновного река отвергнет.

– Из-за тебя духи отвернулись от поселка. Теперь, могут пострадать невиновные.

Каррон оскалился:

– Даже, если они отмечены духами?

Не отвечая, ведунья обвела взглядом собравшихся на скале:

– Жители Грерока! Карая за потерю оберега, Повелители стремились вас образумить. И что же? Вы подняли руку на отмеченную духами. Хуже того, вы осмелились судить ее без ведуньи! Так почувствуйте груз наших забот. Решите сами, как искупить вину. А до тех пор, ни один из отмеченных не заступится перед духами за ваш поселок.

– Ведунья, а что будет с теми, кто вину уже искупил? – рискнул спросить староста.

– Ты о сгинувших на озерах? Их тела не достались огню, а стало быть, дорога к предкам окажется долгой – пока не истлеет последняя кость.

Отвечала ведунья Жаккоду, но смотрела на Каррона. На лбу атамана выступил пот.

– Но староста прав, – продолжала Дарини. – Погибшие вину искупили. Я попрошу духов указать путь блуждающим в безвременье. Но и только.

Ведунья забрала с обрыва Настины сапожки.

– Дарини, – Людмила преградила ей путь. – Спасибо тебе! Спасибо за Настю! Что защитила имя, память о ней!

Вокруг заворчали, негромко. «У ведуньи в поселке имени нет», – запоздало вспомнила Людмила наставление Насти.

– А для чего здесь стояла ты? – Дарини говорила медленно – она хотела быть понятой. – Или наш язык для тебя слишком плох? И не смей ее отправлять к предкам, слышишь! Насти вернется. Духи ее защитят.

Обойдя Людмилу, точно перед ней стоял столб, ведунья

спустилась на луг. Окликнуть ее никто не посмел.

Ветер подывал в трубе, рвал кисти с растущей под окном горены. Товен, сгорбившись, сидел у стола. Тут же хлопотала мать, толкла в ступке коренья. Рядом исходил паром пахнущий тиной горшок.

– Зачем увела? – ежась, ворчал Товен. – Ведунья ж вернулась, и сестрица с ней.

Не отвечая, Оли всыпала в горшок содержимое ступки. Мешала долго, бормоча странные, лишённые смысла слова. Наконец присказки кончились и, оставив ложку, мать процедила отвар.

– На-ка вот, выпей!

– Гадость, небось?

– А ты нос зажми и давай-ка до дна. Лихорадка тебя бьет, аль не чуешь?

Товен скривил рот, но покорился. Оли следила за сыном до тех пор, пока пустая кружка не стукнула о стол.

Перебравшись на кровать, Товен закутался в одеяло:

– Холодно. А вода, между прочим, еще холодней. И зачем отец так?

– А затем! – один за другим Оли завязывала мешочки с травами. – Чтоб тебя, дурака, сиротой не оставить.

– Ну, ты скажешь!

– И скажу! Сдается мне, сегодня одним пловцом дело не кончится.

Товен даже зубами стучать перестал:

– Думаешь, ватажники врут? Думаешь, ведунья...

Оли всплеснула руками:

– Нет, люди, вы только на него поглядите! Перья собрал, а ума не нажил. Сестра-то твоя смекалистей оказалась. Жаль, прыти ей не достало. А все-таки отцу помогла.

Товен сбросил одеяло:

– Так чего мы сидим? Обрато бежать надо!

– Ку-уда? – словно птица над выводком, Оли нависла над сыном. – Под руку попасть захотел? У ведуньи она хоть и тонкая, а след на всю жизнь оставит. Сиди!

– Ага, счас! А пальцами тыкать начнут? Струсил, скажут, спрятался.

– Да спрятался. Одна, вон, не успела, так в реке искупаться пришлось.

Товен набычился:

– Все равно пойду. Дверь запрешь – в окно вылезу.

– Ну и лезь! Все бы вам – демонам мать изводить. – Оли повесила мешочки на крюк и вдруг смягчилась: – Давай хоть куртку тебе принесу. На заднем дворе проветривается.

– Только ты побыстрей.

Мать вышла. Товен потянулся за одеялом, но передумал. Холод отступил. Мягкое тепло обволакивало тело, заглушало мысли.

– Как дурак, – зевая, пробормотал Товен. – Выскочил, ляпнул, удрал...

Тихо прощуршав, открылась входная дверь. Оли бросила куртку на табурет, подошла к кровати.

– Как дурак! – лежа поверх одеяла, повторил Товен и засопел.

– Что верно, то верно. Матери он вздумал перечить!

Оли укрыла сына и, выплеснув остатки отвара в печь, поспешила из дома – на луг, к серой громаде Грерока.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.